

18+

Сергей Макаров

**Хроники
Ландвика.
Тёмные
времена**

Сергей Макаров

**Хроники Ландвика.
Тёмные времена**

«Издательские решения»

Макаров С.

Хроники Ландвика. Тёмные времена / С. Макаров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-534729-9

Ландвик — мир, похожий на земное Средневековье. Он наполнен предателями и колдунами, королями и троллями, принцессами и богами. В этом мире для того, чтобы стать героем, порой достаточно оставаться человеком, а черта, проложенная между добром и злом никогда не бывает ровной. В сердце Шакатана пробуждается Древнее Зло, угрожающее всему «красному континенту». Но суровые времена зачастую порождают славных воинов, и на шакатанской земле всегда найдутся люди, готовые встретить своего врага сталью.

ISBN 978-5-00-534729-9

© Макаров С.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Великий Чёрный	6
Предисловие	7
Глава первая	10
Пленник	10
Глава вторая	17
Право на поединок	17
Глава третья	25
Салхэмский дракон	25
Гамаркан. Хаитское княжество	26
Глава четвертая	33
Сумерки сгущаются	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Хроники Ландвика. Тёмные времена

Сергей Макаров

© Сергей Макаров, 2021

ISBN 978-5-0053-4729-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Чудовище не может стать человеком,
но человек, может, не стать чудовищем»

Часть первая

Великий Чёрный

Предисловие

Восточный Шакатан. Шапаллохские горы. Зима 1214 г.

Ниелтурдегар сделал то, чего не совершал уже несколько сотен лет. Он усмехнулся. Стоя с закрытыми глазами на каменном выступе, среди непроходимых отвесных склонов восточного хребта, он ощущал колючее прикосновение ветра, несущего запах ранней весны. К большому удивлению некроманта, в пещере, которую он себе облюбовал, уже обитало странное, невысокое существо с безразличными, рыбьими глазами. Ниелтурдегар не стал преследовать прежнего обитателя, милосердно дав ему скрыться среди одинаково серых, горных масс.

Почти четыреста лет некромант провёл в мире, где не существовало цветов, где не было такого понятия как «время», и где в вечной мерзлоте плавали обрывки воспоминаний. «Великий Чёрный», как называли его первые люди континента, не имел власти над беспечным течением времени, но он был терпелив. Понадобилось почти четыре века, чтобы сломанные кости срослись, а разорванная плоть обросла новой кожей, это было медленное, и ужасное оживление, но оно было неотвратимо как само время.

Когда он вновь явил себя миру, в окрестностях Шапаллохских гор засохло каждое десятое дерево. Так было предназначено. И так случилось. Теперь, когда Ниелтурдегар, условно говоря, был жив, он вспомнил всё. Эти горы, когда то стали его могилой, а теперь они станут его колыбелью, он даже почувствовал, что-то вроде сентиментальности и ухмыльнулся. Магический взрыв, отправивший мага в Чёрные пустоты, позаботился и об эльфах, последних (как он надеялся) представителей одной из самых поганых рас населяющих необъятные земли континента.

С огромной высоты, на которой располагалась пещера Ниелтурдегара, раздался скрипящий хохот, некромант почувствовал, что за годы смерти, он вопреки всему не разучился чувствовать радость.

Ниелтурдегар скрестив руки на груди, сидел посреди пещеры, с нарастающим раздражением наблюдая мельтешение изрядно надоевшего ему духа. Призрак недвусмысленно вымогал свободу для своей души, суля в ответ нечто, по его утверждению, невероятно ценное для некроманта. Ниелтурдегар силой мысли подавил волю жалкого существа и швырнул его в стену, но бестелесный призрак пролетел сквозь неё и через мгновение вернулся в пещеру.

– Хм, – удивился маг, поражённый настойчивостью существа за которым никогда ранее не замечалось ничего подобного.

– Хорошо.

Охваченный любопытством, которое порой свойственно даже воскресшим некромантам, Ниелтурдегар провернул на указательном пальце кольцо с орнаментом паука, и в следующую секунду его тело покрылось лёгкой дымкой, а он подобно утреннему туману растаял в прохладной полутьме.

Два бестелесных существа стремительно неслись над горами, приводя в дикий ужас птиц, имевших несчастье, оказаться на их пути. Призрак, подхваченный резким порывом ветра, порхал над восточным хребтом, а его отвратительное лицо исказилось гримасой нелепого восторга.

По мере их продвижения на восток, гораздо восточнее пещеры некроманта, Ниелтурдегара стал охватывать неподдельный интерес, ибо под ними простирались уже отнюдь не дикие горы, а какие-то древние развалины непонятного происхождения. Призрак замедлил свой полёт и, войдя в штопор, приземлился на землю, предлагая некроманту следовать за собой. Ниелтурдегар огляделся, догадываясь, что стоит на обломках некогда вели-

кого города, очевидно покинутого много веков назад, к тому же расположенного высоко в горах. Огромные каменные колонны, когда-то державшие на себе свод, сиротливо торчали среди обрушенных стен, неподалёку валялся пузатый, ржавый котелок, насквозь прогнивший дырами. Но что действительно привлекло внимания мага, так это сброшенный с постамента памятник, от которого при падении откололись рука и голова. Если быть точным, то сначала он разглядел именно голову, приняв её за каменную глыбу, что было немудрено, учитывая её невероятные габариты.

На голове угадывалось неприятное обезьянье лицо с длинными кривыми зубами, чуть поодаль, как и следовало ожидать, находилось тело гиганта, удивившее даже повидавшего множество миров некроманта. Хотя одна рука и откололась при падении, у каменного изваяния оставалось ещё три. Ниелтурдегар скорее догадался, чем узнал, что перед ним лежит памятник богу Буул Баиу, повелителю уродливых троллей.

Теперь, когда Ниелтурдегар понял, что находится посреди древнего захоронения йотунов, некромант хищно втянул воздух, прощупывая его в поисках бывших обитателей этих мест, и почти сразу наткнулся кое на что интересное. Чёрный маг вернулся в своё привычное физическое состояние и взмахом ладони раскидал кучу камней и песка в интересующем его месте. Прodelав этот трюк снова, некромант склонился над землёй и принялся руками отгребать песок, пока его холодные пальцы не коснулись гладкой деревянной поверхности саркофага.

– Кто там? – спросил Ниелтурдегар, обращаясь к призраку, хищно таращившему глазами.

– Ратилла Жестокий – Отец Камня! Конунг горных йотунов! – гордо прошепестел призрак.

Ниелтурдегар удовлетворенно кивнул, нисколько не сомневающийся в ответе, поскольку призрак не мог врать своему хозяину, и взмахнул рукой, вызывая резкий порыв ветра. Крышка саркофага натужно взвела в петлях, но невероятным усилием удержалась на месте. Некромант, хмыкнув, взмахнул другой рукой, а затем обеими руками вместе и громадная крышка отлетела далеко в небо, оставшись тусклой точкой на горизонте.

В саркофаге покоился полуразложившийся йотун, слишком крупный и ужасающий даже по меркам своей неприятелятальной расы, своей фактурой он очень напоминал Буул Баиу, чьё расколотое изваяние пылилось неподалёку. Пятиметровый гигант был одет в потускневшую от времени и дубовую на вид, бурую шкуру с громадными деревянными сандалиями, каждый размером с крупного человека.

– Я заслужил награду? – спросил призрак, неприятно насвистывая в ухо Ниелтурдегару.

– Без сомнений, – усмехнулся чёрный маг, поворачиваясь к нему, – без сомнений.

Призрак, слишком поздно почувствовавший неладное, дико завизжал и рванулся вверх, но скрыться от вездесущей воли повелителя он не мог. Некромант схватил бедное существо и закрутил его в бешеном хороводе, постепенно сворачивая подобно снежного шару, с той лишь разницей, что комок некроманта не увеличивался, а уменьшался в размерах. Когда душа существа стала не больше яблока, чёрный маг удовлетворённо кивнул и подошел к саркофагу.

– Ты получишь такую свободу, о которой даже не мечтал, – усмехнулся он, сжимая душу в руке.

Некромант не стал разжимать огромный рот великана, вместо этого он кинжалом вспорол толстую кожу на щеке и протолкнул руку с душой по самое плечо. Разжав ладонь, Ниелтурдегар снова усмехнулся, удерживая душу одной лишь силой мысли и отошел, созерцая творения своих трудов.

Губы некроманта зашептали ужасные слова, от которых с хрустом полопалась кожа даже на его мёртвых губах. Чёрный маг не стал обращать внимания на подобную ерунду пол-

ностью сконцентрированный на заклинании, часть его мёртвой энергии плавно выскользнуло из него и волной маленьких насекомых покатило по земле, постепенно облепляя саркофаг.

Некромант замер наблюдая за рождением новой жизни, хотя конечно воскрешение тела, не имело ничего общего с жизнью, ведь нельзя же, в самом деле, называть живыми тех, кто даже не нуждается в воздухе. Некромант побаивался, что слабой воли призрака окажется недостаточно для пробуждения столь огромного тела, но когда Ратилла распахнул свои огромные лимонные глаза, Ниелтурдегар рассмеялся.

Глава первая

Пленник

Восточный Шакатан. Весна 1214

Между Даргамой и Хартумом, там, где горные хребты начинают редеть, уступая место обширным лесам, там, где заканчивается последнее рыбацкое поселение на реке Тайя, стоит монастырь. Он стоит там чересчур долго, чтобы стереть все упоминание о Богах, песни во славу коих разносились в стенах храма, окруженного густой сосновой рощей. Он стоит чересчур долго, чтобы сохранить собственное имя, и в народе его именуют «Лесной дом». Монастырь был безжалостно разграблен столетия назад, но паломники и Странствующая братия нередко останавливаются среди пыльных, молчаливых развалин, в своих скитаниях по благодатным землям восточного Шакатана.

Этой ночью монастырь был пуст, если не считать молодого жреца покинувшего Лесной дом незадолго перед рассветом. Укутанный в фиолетовый, дорожный плащ с изображением сияющего пера юный жрец спустился вниз по тропе и вышел на дорожку вдоль извилистого северного берега Тайи. Несмотря на тёплые деньки, перед рассветом всё ещё было довольно прохладно, и Уришл быстро продрог от исходящей с реки прохлады. Жрец начал молиться Лунному Богу Огму, Хранителю ключей от звёздного неба и Величайшему Хату, подыскивая нужные словосочетания и вскоре, у него в груди разгорелся божественный источник тепла, от которого слегка покалывало в кончиках пальцев. Его шаг стал решительнее, ибо Бог не оставил его, молодой жрец ощущал присутствие Огму в каждой листочке окружавшего его леса.

Река сужалась, доходя до тоненького ручейка, затем вновь начиналась, постепенно расходясь вишрь, в некоторых местах она уже вполне годилась для судоходства. Уришл наблюдал за рыбой, плещущейся в мутной воде Тайи, и догадывался, отчего восточные поселенцы давно облюбовали себе этот берег реки. В таких местах проще начинать жизнь заново. Здесь никто не станет интересоваться твоим мрачным прошлым. Должно быть, здорово каждый день наблюдать за бесконечным течением вод, отмечать, как самым холодным днём зимы белый лёд окончательно покорит Тайю, заключив речушку в

свои сухие объятия и как он нехотя отпускает её весной, когда плавающие глыбы плавно скользят подгоняемые робкими лучами солнца.

Уришл достиг ивовой рощицы, где река делала плавный поворот и мерцающей лентой уносилась в сторону Пампуты и нескольких небольших поселений, крупнейшим из которых являлся Лодочный Рай. Молодой жрец перекусил кукурузной лепешкой и оттряхнул руки, готовясь продолжить путь, когда послышалась грязная ругань и из-за деревьев показались две странные фигуры.

Первым шёл довольно высокий мужчина в кольчужной рубахе и мечом бастардом на поясе. Казалось и меч и его хозяин служат одной цели, – внушать страх в души собственных врагов. Лысая голова незнакомца была покрыта дюжиной шрамов, а пронзительный взгляд серых глаз резал глубже даргамской стали.

Вторым был невысокий, коренастый мужчина, чья крепкая шея была стянута удавкой, за которую его, собственно говоря, и вели. Руки пленника были связаны за спиной и судя по его внешнему виду, его попросту тянули за шею через весь лес. Уришл, самым грозным оружием, которого была старая чернильница, тяжело вздохнул и поднялся на ноги. Считалось, что странствующие жрецы Огму, как и многие другие жрецы Шакатана вверяют жизнь Богу, но

Уриил прекрасно сознавал, что не одни известные ему чары не спасут его от удара столь уродливым мечом.

– Хороший день для прогулки, сир? – произнёс жрец, когда расстояние между ними сократилось до четырёх шагов.

Пленник расхохотался, пуская пузыри кровавой пены и лишь удар тяжёлого сапога заставил его остановиться. Дождавшись, пока хихиканье пленника сменилось жалобными стенаниями, незнакомец удовлетворенно сплюнул.

– Ты ошибаешься храмовник. Я не рыцарь. Я всего лишь вершу правосудие от имени короля Олина из рода Ундвиков. А теперь уйди с дороги, а то мой приятель – даргамец уже стал отвекать от объятий пеньковой петли, а ведь ему предстоит жить с этим чудесным ощущением до конца вечности. К Хартому он породнится с верёвкой так, что местный палач славно повеселится, прежде чем ноги этого подлеца перестанут отбивать в воздухе фортеля. – Словно в подтверждении своих слов незнакомец намотал на руку несколько колец, затягивая петлю на шее пленника.

– Пошли, собака, рано тебе ещё умирать.

На мужественном, словно вытесанном из камня лице крепьшиа читалась холодная решимость довести дело до решающего конца. Он был готов тянуть несчастного даргамца хоть до ступеней эшафота, даже если у последнего внезапно откажут ноги. Уриилу стало не по себе при одном виде, этого грязного, измученного человека и когда они поравнялись, их взгляды встретились.

– Исповедуй ме-ня-а. – прошептал узник, падая на колени.

– Умоляю.

Где-то на другом берегу реки медленно поднималось солнце. Грязно-бардовый солнечный диск окроплял их разгоряченные лица сюрреалистическими цветами. Каким разным казался этот рассвет трём людям, встретившимся в это раннее утро, на северном берегу Тайи. Обладатель кольчужной рубахи скривился, намериваясь сказать что-то из разряда фраз, не проносимых рыцарями при дамах, но Уриил заговорил первым.

– Сударь, я не знаю вашего имени, но раз уж этому человеку суждено умереть, кто мы такие, чтобы отказывать ему в святом праве на исповедь. Неужели в вашем сердце нет места состраданию?

Улыбка, с которой, незнакомец повернулся к монаху, вышла кривой и злоецей. Да и было ли это улыбкой? Однажды Уриилу довелось повстречать человека, с изрубленным лицом, и кривые разрезы около его рта, были куда больше похожими на улыбку. Шрамы остаются не только от ударов, но и от слов, – поэтому монах благоразумно смолчал.

– Моё имя Ронэ Барбаду, но в этих краях меня называют Виконтом. Я сын фермера, возглавившего крестьянское восстание, в Уньлом Яру, восемь лет назад. Милостью богов, наш добрый король заменил смертную казнь пятнадцатью годами рудников, однако указал, что не один дархам из королевской казны не пойдёт на пропитание негодяя. Позже, он смилостивился настолько, что согласился принять меня на службу, сроком на пятнадцать лет, с тем, что большая часть моего жалованья пойдет на ту гнусную пайку, что в турецких рудниках называют человеческой пищей. После ареста отца, его бывшие приятели в насмешку стали называть его графом. Для них, склонивших голову, был непонятен, диковинный крестьянин, пошедший против Короны. Им привыкли жить в рабстве, одна мысль о свободе, вызывала тошноту и несварение желудка.

Я нечего не знаю о сострадании, ибо оно мне не ведомо....

Замолчав, Ронэ Барбаду отвязал от пояса бурдюк для воды и потряс его перед лицом. Нахмурившись, он отвинтил пробку и сделал несколько мощных глотков. Пленник, бессвязно бормоча, оставался стоять на коленях, опустив голову, словно его интересовало, исключительно происходящее на земле. Бросив задумчивый взгляд в сторону реки, Виконт вздохнул.

– Ладно, парень. Хочешь исповедовать этого ублюдка, валяй. Только сперва ты сходишь за водой и разожжёшь огонь. Надеюсь, мои сапоги успеют просохнуть, прежде чем ты поймешь бесполезность своей затеи.

Молодой жрец, в благодарность склонил курчавую голову, укрытую капюшоном и спешным шагом, направился к реке. Уже на пологом, илистом берегу, Уриил как следует рассмотрел бурдюк, прикидывая его немалый вес. Кожа, обтягивавшая сосуд была покрыта пятнами запекшейся крови, и молодой жрец старательно вытер их чистой, речной водой. Вернувшись, Уриил увидел, что Виконт успевший привязать пленённого к дереву, сидит немного поодаль, вытянув перед собой уставшие ноги.

На заготовку сухих веток не ушло много времени и вскоре к великому удовлетворению Барбаду в небольшой ложбинке, на берегу реки Тайи заплясал огонёк.

– Мне было шестнадцать, когда я попросился на службу к королю Олину, храни боги его бессмертную душу. Я был готов к работам в конюшне или кузнице. Что ещё могут доверить сыну фермера, предавшего короля? И видишь, кем я стал? Не смотри так на меня, монах, раньше я не был таким красавцем. – Ронэ Барбаду коснулся шрамов, украшавших его раскрасневшееся лицо, и покачал головой.

– Короли не прощают...

– В чём провинился этот человек? – спросил Уриил, чтобы прервать затянувшееся молчание, во время которого предавшийся воспоминаниям Виконт, задумчиво играл желваками.

– Его зовут Харл, он убил свою семью. Уничтожил весь род от мала до велика. Даже собаку не пощадил. Зиму ублюдок провёл на своей одинокой ферме, поедая родственников. С приходом весны, когда на ферме не осталось даже крыс, Харл подался к соседям, но к тому времени охотники уже обнаружили в горах странные кости. .

Когда его маленькая тайна была раскрыта, он бежал и скрывался до тех пор, пока я его не выследил.

Барбаду пожал широкими плечами, как бы удивляясь простоте собственной истории, и замолчал.

– Исповедуй, коли ещё хочешь, мои сапоги почти просохли.

– Тебя зовут Харл? – Даргамец сидел неподвижно, его веки были закрыты и если бы не подрагивающая грудь, его вполне можно было принять за мертвеца. Как и большинство людей его племени, он был невысок и коренаст, а тёмные, блестящие кудри уже лет пятнадцать украшала благородная седина. Когда он открыл глаза, белки его глаз показались Уриилу болезненно жёлтыми. Это было что-то среднее между глазами обычного человека и глазами животного.

– Да. – прошептал он. Таково моё имя.

– Так говори, Харл, если тебе есть, что сказать, боги внимлют твоим словам.

Уриил очертил даргамца священным знаменем и слегка коснулся груди пленника, в том месте, где под изодранной рубашкой пока ещё билось тёплое сердце.

– И если собираешься сказать ложь, то лучше смолчи вовсе.

Даргамец закашлялся, и на его лице расцвела кривая ухмылка.

– Я не боюсь гнева богов, жрец, ибо я уже проклят. Мне не пировать с праотцами моего рода и предо мной не откроются врата в Чертог Предков. Я хочу поведать тебе о Чёрном Властелине, наделившем меня Даром Вечного Голода, о демоне, бродящем в горах. – Харл судорожно закашлялся, а так как он не имел возможности прикрыть рот связанными руками, его рубашка украсилась свежими сгустками крови.

Глядя на Уриила, сложно было предположить, что внутри хрупкого, с виду, юноши, таится поистине железное хладнокровие. Его, истинного сына акрийских степей не смущали и уж тем более не пугали рассказы о демонах и голосах, призывающих свою жертву совершить

зло. О подобных вещах жрец слышал на каждой исповеди, а вот число тех, кто безоговорочно принимал собственную вину, было довольно ничтожно.

– Я прошу только об одном... – даргамец впился в лицо Уриила жутким взглядом своих нездоровых глаз, читая мысли жреца, с той же убийственной простотой, как другие люди читают рукописи.

– Ты можешь сомневаться в каждом моём слове, но ты должен пообещать мне, что после моей казни ты сходишь на то место, с которого началась моя история.

– О чём ты? – спросил Уриил, не желая спешить с обещаниями. С места, где они сидели, ему не было видно Виконта, зато он прекрасно слышал, как работали его мощные челюсти, перемалывающие жёсткое солёное мясо, излюбленное дорожное лакомство шакатанцев.

– Я из древнего охотничьего рода, и знаком с этими горами не хуже, чем иные знакомы со вкусом ячменного эля в придорожном трактире. Боги! Я совсем забыл его вкус.– Харл грязно выругался, что в его понимании вполне соответствовало духу исповеди, и продолжил более тихим голосом. Скорее всего, он опасался, привлечь внимания своего тюремщика и отправиться в последний путь, так и не закончив своей прощальной речи.

– Если ты когда нибудь встретишь людей знававших меня в прежние времена, они поведают тебе, что ещё с молодых ногтей я был ублюдкой и негодяем.

Даргамец усмехнулся, но от внимательного взора Уриила, не ускользнула затаённая боль, проскользнувшая в его взгляде. Один краткий миг глаза Харла казались почти нормальными, но спустя мгновение, его взгляд вновь наполнился звериным блеском.

– Людская молва карает суровой плахи, – пожал плечами Уриил, гадая вызвана ли шепелявость даргамца воспитательными методами Виконта.

– Каким бы плохим человеком я не был, в тот вечер, когда в предгорьях выпал первый снег, я стал гораздо хуже. С приходом зимы, горные бараны и другая здешняя живность спускаются поближе к человеческому жилью, и охотникам не приходится уходить слишком далеко в горы. Бывало ушедшие с рассветом, возвращались к обеду, чтобы успеть похвастать в корчме богатой добычей, только все и так знали, насколько щедры здешние горы.

В тот день горы вовсе не показались мне благодушными и я добрёл до берега мёртвого озера, не встретив не одного животного. Видят Боги, я был бы рад подстрелить даже дикого пса, но за весь путь я так и не притронулся к колчану, висевшему за спиной.

Я начал волноваться, ибо даже ублюдки вроде меня терпеть не могут, когда над ними потешаются, а мне было не миновать этой жалкой участи, вздумай я вернуться назад с пустым мешком.

Вода в мёртвом озере непригодна для питья, да и рыба в ней жить не станет. Виною тому залежи медного купороса в низовьях гор и родники, несущие испорченную воду из подземных глубин. На много колёс вокруг нет других озёр, так что если ты всё-таки заинтересуешься моими словами, то без труда сможешь его отыскать.

На секунду жрецу показалось, что солнце скрылось за тучами, но, обернувшись, он увидел Барбаду, который заслонил свет своим могучим торсом. Виконт, насвистывая, справлял малую нужду под соседним деревом, явно не заинтересованный рассказом Харла.

Пройдёт совсем немного времени и он, скорее всего, начнёт выражать собственное недовольство, но сейчас тот, кого называли Виконтом, вёл себя почти прилично.

Несколько минут даргамец увлечённо рассказывал о паутине дорог опоясавших горы, и о тех из них, что брали своё начало на стылом берегу одинокого озера, которое в его народе называли «мёртвым». Такова уж природа человека, что он готов разглагольствовать о чём угодно, коль дело касается не его, но подходя к чему то важному, он не находит по настоящему нужных слов. Наверное, так случилось и с Харлом, он замолчал, хмуро глядя туда, где над сосновым лесом возвышались длинные, серые гряды древних стволов.

Наконец он снова заговорил, но его речь, с этого момента, стала всё чаще прерываться на кашель, словно силы, сидящие в даргамце, противились исповеди.

– По мере продвижения в горы, собственная злость подогрела меня, и я не сразу понял, что заблудился. Это был уже второй удар по моему самолюбию, ведь я живо представил себе, что скажут в деревне, когда узнают, что Харл из Рода Охотников, сбился с пути, даже не поняв настоящих гор. Уже смеркалось, когда я все-таки встретил зверя, и пускай у него было все две ноги, этот, был самым опасным из всех хищников, подсунутых мне Богами. Он сидел на холодном камне у костра, грея длинные, белые как снег пальцы. Только вместо жаркого пламени, над поленьями плясала густая тьма, более вязкая и осязаемая чем мягкий сумрак заката. Позже он объяснил мне, что я был жив только благодаря его милосердию, ибо никто не смел, бродить в этих горах, без его молчаливого согласия. И он, как вежливый Властелин Гор не станет карать меня слишком строго, но взыщет разумную плату, должную стать предостережением от глупости, для таких же дурачков, как и я.

– До того дня я наивно полагал, что не боюсь смерти, но сказать, что я испугался, значило бы не сказать нечего. Тысячи холодных иголок впились в моё тело, сковав его вместе с разумом, ибо я решил, что сам Януш, принц мёртвых, выбрался из своего подземного царства, чтобы почтить меня визитом и забрать с собой.

– Как он выглядел?

Даргамец закашлялся, и на его глазах выступили капельки слёз. Он не имел возможности смахнуть их или вытереть, и они вперемешку с грязью и кровью, тоненькими ручейками стекали по его небритым щекам.

– Высокий и тощий как свеча, и смертью от него разило так, словно не человек перед тобой сидит, а покойник. А вот глаза у него живые, голубые как небо, и холодные, словно кусочки льда.

– Он не называл имени? – возбужденный Уриил подался было вперед, но услышав предостерегающее ворчание Барбаду, поспешил вернуться на место.

– Хозяин Гор не удостоил меня такой чести. Никогда бесконечное небо не будет представляться перед листочком, сорванным с дерева, порывом ветра. Он напоил меня из чёрной чаши украшенной серебряными пауками, и я уснул, убаюканным холодным мерцанием звёзд. Когда я очнулся, у меня во рту всё ещё стоял терпкий привкус вина, но теперь к нему добавилось ощущения, разгоравшегося в желудке пожара. И вот тогда, сидя на стылой земле за несколько часов до рассвета, я внезапно осознал, что Хозяин Гор извратил мою сущность, словно гончар испортивший кувшин, у которого и без того хватало изъянов...

– Я не совсем тебя понимаю, – Уриил поскрёб гладкий подбородок кончиком указательного пальца.

Даргамец лишь усмехнулся и покачал головой, словно ему была понятна вся глупость и недалёкость, беседующего с ним человека. А может он попросту не ждал понимания, отчаявшись встретить кого то, готового поверить в его искренность.

– С той поры внутри меня образовалась червоточина и она точила меня, подобно реке крошащей прибрежные камни. Я видел сны, которые возвращали меня к тому костру, и сидя рядом с мрачным человеком, я внимал историям о далёких войнах и героях, чьи кости истлели задолго до рождения моего деда. В насмешку над голодом, вынуждавшим меня питаться за двоих, а то и троих здоровых мужчин, я осунулся и похудел. Вся пища стала для меня одинаково пресной, и в темноте я бы не смог отличить медовое яблока от горького синайского лука, но всё равно бы съел и то, и другое. Все вокруг считали, что я чем-то заразился в горах, и я не стал расстраивать их правдой, тем более, то, что со мной произошло, в каком-то смысле было хуже любой заразы.

Когда у меня пожелтели глаза, мой отец даже попытался отправить внуков к родителям жены, в Кормчий Яр, но я сказал, что в состоянии, позаботиться о собственных сыновьях. Вот

выходит и позаботился. – глаза Харла вновь стали влажными, в этот раз безо всякого кашля. Выходит, не всё человеческое в нём мертво, и где то под грязной плотью убийцы, таилась душа, которой было ведомо покаяние.

– Однажды ночью, когда сон вновь привёл меня к демоническому костру, я набрался смелости и потребовал, чтобы колдун разом взыскал с меня все долги и вернул в меня огонёк жизни, который, с момента нашей встречи

стал истлевший искрой, которой едва хватало на пробуждение по утрам.

– Я больше не желал видеть сны, после которых я просыпался с ногами, испачканными землёй и думал о тех местах, где я бродил ночью. И какова же была моя радость, когда он согласился, заметив, что и сам уже подумывал над этим. Это была радость глупца, узревшего небо, перед долгим прыжком в вечность, словно я засовывал голову в пасть крокодилу и радовался тому, что мне больше не придётся стричь волосы. Но любой исход казался лучше того медленного сумасшествия в которое скатилось моё существования.

Во время того разговора колдун поведал мне, что он вовсе не одинок, в горах у него есть друзья, но его друзья голодны, а оттого несчастны. Поняв наконец, что от меня требуется, я поднял на уши всю семью и к следующему вечеру всё съестное, что обнаружилось в моём доме было погружено в телегу, запряжённую двумя лошадьми. Сыновья управлялись с коровами, старики плелись позади, с небольшим стадом коз, а жена ехала рядом со мной, и даже ночь не могла скрыть её презрения.

В сумраке передвигаться через горы всегда непросто, но если тебе предстоит проделать это с глупым, испуганным стадом, подбадривая дряхлых стариков, взятых тобою в погонщики, то твой путь несладок вдвойне.

Каким-то чудом мы всё таки добрались до мёртвого озера немногим глубже полуночи, когда мягкий свет луны полоскал округу молочным, бледным сиянием. Распалив костёр, я велел сыновьям вооружиться луками и защищать стадо от хищников, готовых польститься на манящий запах еды, исходящий из каравана. Я же взял с собой лишь короткий нож в голенище сапога, догадываясь, что хищника к которому я направлялся не пугала сталь, и я мог покуситься на его жизнь не более, чем оса обозлившаяся на медведя.

Колдун сидел на прежнем самом месте, грея костлявые пальца, в чёрных отблесках проклятого пламени, а на его губах играла поганая улыбка.

«Твой дар в долине, о, Хозяин Гор», запальчиво произнёс я. «Теперь ты сможешь накормить своих друзей, и воистину велика будет их благодарность, но и она не сравнится с твоей щедростью, если ты примешь решение даровать свободу, измученному грешнику».

Колдун снова протянул мне чашу, но в этот раз её чернота была абсолютной. Серебряные узоры, если они когда то и украшали её матовую поверхность, стёрлись тысячелетиями застолий.

«Твой дар принят. Иди с миром, сын блудного народа» – усмехнулся колдун, глядя мне в спину. И впервые, с момента нашей первой встречи, почувствовав себя почти неплохо, я летел вниз окрылённый надеждами, как любой человек, которому наконец выпала счастливая карта.

Моя радость была недолгой, потому как, когда я спустился к мёртвому озера, не одно живое существо не ждало меня там, чтобы разделить со мной чувства, переполнявшие меня изнутри. Почти блаженная радость сменилась липким ужасом, когда до меня дошло чем будет потчевать своих безликих друзей, здешний хозяин.

Не помня себя, я рванул обратно в горы, туда, где под холодным небом коптился чёрный, бездымный огонёк. Только на месте, которое я покинул, около часа назад, лежал толстый слой пыли, а круглый камень, служивший колдуну стулом, рассыпался в прах.

Я орал до хрипоты, стараясь перекрыть ветер, но ответом мне служили лишь насмешливые крики ночных птиц. После нескольких дней безрезультатных поисков, отчасти из за того,

что силы почти покинули меня, я всё же вернулся домой, где мне едва не перегрыз горло собственный пёс.

Глупое животное, должно быть обезумело от голода и одиночества, подкравшегося к нему с нашим уходом, а может его пронял запах трусливой подлости, сочившийся из моих пор, берёзовым соком. Я зарезал пса ножом, хранившимся в голенище и в его последнем взгляде, обращённом ко мне, застыл справедливый укор.

Перед лицом Богов, я обрек себя грязным животным, не помнящим чести, а в его собачьем сердце оказалось гораздо больше человечности, чем во мне. Я не мог более оставаться в пустом доме, где даже стены нашептывали мне о мучениях, которым я подверг близких мне людей, и о том, что моей шее самое место в объятиях петли.

Я слонялся от дома к дому, заглядывая в окна и воруя кур, пока мои действия не обрели чёткой цели, я решил отыскать Хозяина Гор и вогнать несколько сантиметров серебра в его почерневшее сердце. Я бы нашёл там верную смерть, но предки в Чертогах Вечности, не упрекнули бы меня в трусости, а ныне живущие глядишь вновь стали бы называть детей моим проклятым именем. Только лживые слухи расходятся быстрее ветра и вести обо мне достигли самого короля, чей благородный дух был справедливо возмущен моими деяниями и тем же днём ваш скромный слуга, был заочно приговорен к казни, через повешенье.

Моим чаяньям уже не суждено сбыться и те несколько рассветов, что мне остались, я встречу с глубокой, душевной болью, от которой меня спасёт лишь петля.

– Я не жду, что мои слова станут оправданием или спасением для моей собственной души, но тешу себя блаженной надеждой висельника, что они могут спасти жизнь кому нибудь другому, быть может, ещё более обреченному, чем я.

Харл замолчал, и по взгляду его помутневших глаз было понятно, что воспоминания унесли его, гораздо дальше, чем может увести людей самый искусный оратор, в те закоулки разума, куда не могли забраться призраки прошлого. Зарождающийся день, обещал принести массу сюрпризов.

Глава вторая

Право на поединок

Несмотря на то, что большая часть континента приняла Чогот, в качестве основного языка, в Шакатане ещё можно повстречать места, сохранившие свои исторические имена. Это вполне можно было сказать и о горной цепи Шапаллох, что в переводе с древнеэльфийского, трактовалось не иначе как Вечные Горы.

Недаром горы носили своё зычное имя, ибо они выглядели старыми ещё на заре человечества, когда первые люди Шакатана поклонялись Богам, населявшим, их белоснежные пики. Некоторые из вершин, вздымающиеся над высокогорным ландшафтом действительно могли показаться величественными столпами, подпирающими грозными небеса.

У людей короткая память и никто уже достоверно не помнил, кто из королей первым заложил славную традицию ссылать неугодных «в горы на тартуры», но с тех пор утекло много воды и «турские каменоломни», обросли собственной историей.

Если когда-то Вечные Горы и были щедры к людям, то те счастливые дни давно миновали, и несчастным узникам приходилось вгрызаться в суровый гранит, проникая в тёмные недра глубже и глубже, пока драгоценная жила не блеснет при тусклом свете масляной лампы и суровый надсмотрщик не разрешит сделать перерыв.

Прокладчиками или проходчиками, назначали осужденных за особо тяжкие преступления, и мало кому из этого контингента удавалось дожидаться свободы. Слишком уж изнурительным был их труд, и скудна пища, а прорубленные в горах тоннели нередко обрушивались, обрывая бесконечный, монотонный стук кирки, который означал, что ещё один рудокоп отправился на randevu с бородатым рудничным богом Хайялой.

В восточных рудниках в основном шли работы по добыче прозрачно белой или же нежно синей «Слезы Гор», как в этих местах именовали яхонтовые залежи, тогда как в западных шахтах преобладали красноватые как закат и зеленые как весенняя трава бериллы.

По большому счёту все рудники походили друг на дружку, словно родные братья, разлученные в детстве, хоть в них и действовали обособленные законы и собственные вожди, порой ненавидящие один второго, пуще самих рабов.

Лорды и князья ссылали рабов, королю Олину Второму, из рода Ундвиков, а в обмен получали небольшую часть добытых камней если раб конечно оказывался достаточно проворен, дабы не умереть ещё по дороге в горы, шагая в шеренге, бесправных и безголосых каторжан. Но и те, кто доживал до распределения по рудникам, вряд ли чувствовал себя счастливее, и часто вспоминал умерших в пути товарищей, так и не прочувствовавших на себе ужасных издевательств, обрушившихся на головы тех, кто осмелился выжить.

Когда караван вставал лагерем в широкой и плоской как сковорода долине, рабов приковывали к длинной цепи, пока старшие надзиратели распределяли их по рудникам. Самые предприимчивые из каторжан снимали с себя последнее, дабы смягчить нрав распределителя, а может и вовсе отправиться на каменоломню, где не придется, сдирая кожу, карабкаться в удушливое нутро забоя, и где над головой всегда находилось благодатное Суравийское небо. Те же, кто был слишком скуп, чтобы платить, или действительно не имел за душой не гроша, очень скоро попадали в такие места, где за скупость и бедность приходилось расплачиваться собственным здоровьем.

Одним из подобных счастливых оказался юноша из народа лопетеггов, рыжеволосый и зеленоглазый, как и другие сыны страны туманов. Один из надсмотрщиков хмуρο заметил в его сторону, что паренёк слишком тощ и не годится даже на то, чтобы таскать из забоя

тележку с груженой породой, на что лопетегг не слишком вежливо предложил собеседнику самому заняться данной работой.

– Огрызайся, сопляк, коли тебе оттого легче становится. Зашибить тебя сейчас была бы непростительным удовольствием, ты ещё даже каши не отработал.

И не удостоив каторжанина, даже взглядом, пусть хотя бы и презрительным, надсмотрщик пошёл дальше. У него не было времени на глупые беседы, по длинной шеренге измученных переходом каторжан уже сновали, подобные ему, выхватывая намётанным глазом наиболее молодых и крепких рабов. Он лишь шепнул распорядителю, на какой из рудников следует отправить строптивного парня, чтобы раз и навсегда приучить того, к послушанию. Шепнул и даже не пожалел двух медных дархамов, дабы пламяволосый лопетегг не ушёл от справедливой участи, вследствие рассеянности старшего распорядителя. Старый пёс всегда помнил тех, кто давал ему кости, авось и об этой маленькой просьбе не забудет.

Трудно сказать выполнил ли старший распределитель поручение надсмотрщика, только когда всех каторжан разбили на отряды, лопетегг с ещё десятью бедолагами поступил в распоряжение невысокого, хромого на одну ногу горца, по имени Бышевур. Много в этом человеке, выдавала в нём опытного, старого война, а густая, серая борода, разветвлённая натрое у самого живота, добавляла суровости.

Четверо его спутников, были вооружены луками и короткими палками, которыми очень удобно было вразумлять неразумных рабов, не причиняя особого ущерба. Бышевур, на поясе у которого висел короткий меч, хмуρο оглядел новобранцев из под дугой нависших бровей и произнёс, скрипучим как снег, голосом.

– Я не знаю, за какие провинности наш добрый король вместо мужчин, присылает нам ободранных девиц, но я знаю, что сегодня вам изменила удача и очень скоро вы все станете гостями славного Горакатана, наивысшей точки восточных рудников. Не дрожите от холода, ибо эта прохлада ещё покажется зноем, по сравнению с тем, что уготовано вам в горах.

Эта была самая длинная речь, произнесённая горцем за два пути, и, конечно же, он, не впервые спустившийся с рудника, хорошо знал цену собственным словам.

Уже в начале второго дня, когда на пути людей перестали попадаться деревья, а голые кустарники уныло хлопали почерневшими ветками, стало по настоящему холодно. Исчезла даже жидкая травичка, прорывающаяся из промёрзлой земли, несколькими колёсами ранее.

Каторжане, лишь половина из которых могла похвастаться более мене сносной одежкой, наперебой настукивали зубами, не особо заморожённые игрой солнца, скрывающегося за белоснежными седыми макушками Шапаллохских гор.

Бышевура, впрочем, мало заботило настроения вверенных ему рабов, он их столько провёл сквозь эти горы, что и сам уже отяжелел душой, словно заговоренный тяжкими думами каторжан. Он и сам шагал подле них, несмотря на предательскую хромоту, доставлявшую столько проблем на скользких горных перевалах. И ведь даже не отставал, успевая замечать лишь ему ведомые ориентиры, указывавшие единственно верную дорогу.

Перспектива потеряться в этих горах, была не слаще самой каторги, особенно в тёмное время суток, когда по горам разносился вой саблезубых собак инвихо. Только с таким проводником разве потеряешься? Вот и приходилось каторжанам волей неволей топтать, не дожидаясь болезненного удара по заочневшему телу. И всё это пусть и ранней, но всё таки весной, когда сотнями колёс ниже, уже всюю распускались почки, и холодный пар, вырывающийся изо рта казался чем-то абсурдным.

– Если вам кажется, что вы уже поняли, что есть горы, то спешу вас разочаровать, так как настоящие горы начнутся, лишь после того, как мы преодолеем Око Богов. Пока что вы созерцаете лишь холмы, под которыми зазорно похоронить достойного война, – кисло произнёс Бышевур, разглаживая бороду.

Почему то все его слова в эти два дня выходили жутко пророческими. Может быть, он просто знал, о чём говорил, и не даром дожил до седых волос, в местах, где избыток дружелюбия сидит на левом плече у смерти.

Спутники Бышевура не слишком утруждали себя провизией и в редкие минуты отдыха, на костре разогревался небольшой котелок каши, которая разливалась в глубокие глиняные кружки и передавалась по кругу, обжигая глотки и заставляя желудок возмутительно булькать. Когда источились последние запасы еды, стало понятно, что где-то поблизости, скрытый от чужих глаз, раскинулся славный Горакатан, о котором главный надсмотрщик рассказывал так, как другие говорят о своей родине. Кто знает, может так оно и было на самом деле, и в этом заключалась вся жизнь грозного горца променявшего пыльный запах сражений на удушливую кислоту гор, и если он чувствовал себя свободно рядом с сотнями закованных в кандалы людей, значит, правду говорят о войне, мол она многие чувства в человеке выжечь способна.

Они достигли Ока Богов, когда закат окрашивал горы малиновым светом заходящего солнца. Природный тоннель на вершине горы Аряк, пронзавший гору насквозь и давший ей второе имя, полыхал алым заревом, сравнимым разве что с тысячью костров. Только Бышевура, казалось, не спешил наслаждаться, привычными глазу красотами, и лишь напряженно всматривался туда, где над головами путников рассеивались тонкие змейки горных тропинок. На обветренном, точно высеченном из куска горной породы лице старшего надзирателя вспыхнула и вновь погасла тень внутренней борьбы. Бышевура окинул тяжелым взглядом вереницу скованных каторжан, похожих на вялую гусеницу, лениво ползущую навстречу закатному солнцу.

– Стерхи. Не меньше дюжины. Никогда не слышал, чтобы они спускались так низко.

Помощники Бышевура с раскрасневшимися от волнения лицами пытались отыскать тени, медленно крадущиеся от камня к камню, но их глаза выхватывали из приближающегося сумрака лишь желтоватые пучки сон-травы, одиноко торчащие из промороженной почвы.

– Бабушкины сказки.– скривился темнокожий уроженец китовых островов. – Племена стерхов, выдумка, предостерегающая детей от походов в горах. Все это знают.

На самом деле многие на Шакатане, хоть однажды да слышали легенду о первых жителях континента, проигравших в борьбе за эволюцию более развитым племенам шоготов и норданцев. Предания гласили, что дикие племена стерхов, приспособившиеся выживать в невообразимых условиях нашли прибежище среди ледяных вершин Снегорья, где некому было оспаривать воинственного величия первых людей.

Частенько разыскивались удалыцы, заявляющие о фантастической встрече с потерянным племенем, но такие истории были хороши для посиделок в таверне, а вот выведет ли кто зерно правды из бравой речи рассказчиков, никому доподоле не известно.

– Расскажешь это их праотцу, Шакалу, когда его славные потомки отправят тебя прямоком к Богам, – прохрипел Бышевура, давая знак двигаться дальше.

Отсутствия извилин в голове не дало бы старшему надзирателю дожить до глубоких седин и потому, он понимал, что ему следует самым скорейшим путём прорываться к Горакатану, тая надежду, что их одичавшим предшественникам не придет мысль нападать на довольно большую группу. До рудника оставалось чуть более ста колес, когда и остальные члены каравана, разглядели мельтешащие высоко над головами фигурки.

Всё ещё достаточно высоко, но уже гораздо ниже того места, где их высмотрел цепкий взор старшего надзирателя, они и сейчас казались лишь непонятными, мутными пятнышками, а уж углядеть в них воинствующих мамотов с гораздо большего расстояния казалось и вовсе непостижимым.

Некоторые из каторжан прониклись к Бышевуру невольным уважением, всё-таки рудников они пока так и не достигли, а значит и пропасть пролегающая между ними и старшим над-

зрителем, была ещё не такой огромной. Там, на Гаракатане рабы бросали на подобных ему, совсем иные взгляды...

Преследователи тем временем решили, что им не подходит темп заданный хромоногим горцем и вырвавшись вперёд, скрылись за одинокой горой, напоминавшей копьё, грозящее коварному небу своим исполинским жалом.

– Они отрезают нас от дороги, мастер Бышевур! – заволновался один из надсмотрщиков, по-своему растолковавший манёвр преследователей. Он был из вольнонаемных, годами, немногим старше узника лопетегга, а потому и воспринимал всё происходящее, с должным его возрасту возбуждением. Расчётливое спокойствие война, было ещё не знакомо его юному разуму.

– Что ж, – Бышевур пригладил свою окладистую бороду и его взгляд прояснился, словно и не его глаза ещё недавно светились глубокой задумчивостью. Опыт былых сражений не позволял ему сломя голову ринуться вперёд, рискуя не принадлежащими ему людьми. Точнее сказать старший надзиратель Горакатана надеялся, что именно опыт нашёптывает ему постыдные для любого горца слова, ведь в его народе людей намеренно избегающих битву, уважали меньше вероотступников и воров скота.

Бышевур догадывался, что нечего необычного с ним не приключилось, просто старость коснулась его своими холодными пальцами, разом вобрав в себя часть красок, окружавшего его мира. Жизнь воина коротка, немудрено встретить смерть, каждый день вызывая её на свидания, и не каждому дано дожить до седин, окаймлявших, его бороду почти повсеместно.

Только вот воины старые, но вот старых и честных воинов не бывает и вовсе. **Бышевур также слышал от людей, что бывают честные воины, а бывают**

– Через тридцать колёс мы дойдём до самой высокой точки нашего пути, в том месте дорога пересекает небольшой горный отрог, и если мы окажемся там раньше, то им придется атаковать в гору.

Про себя же он подумал, что если бы их путь лежал по-прямой, их вполне могли заметить часовые рудника, махни он факелом, но к сожаленью, между ними и Горакатаном плотной стеной стояли молчаливые, тёмные горы.

– Нас много. Может они не захотят атаковать, к тому же вы сами наверняка никогда прежде не видели стерхов, и могли ошибиться – не слишком уверенно предположил уроженец китовых островов, по которому никогда с уверенностью не скажешь, побледнел он или же нет.

– Я бы не стал на это надеяться, – тихо ответил лопетегг, понимая, что в таком случае преследователем было проще пропустить их караван мимо, не устраивая игру в прятки, в тёмной, промозглой мерзлоте. Но стерхи, подобно саблезубым собакам инвихо, желали сполна насладиться погоней, а чёрное небо, на котором горело ещё не достаточно звёзд, вполне пособничало их недобрым замыслам.

– Так или иначе, скоро мы всё узнаем. Думаю, ближе к руднику, они нас уже не подпустят. – Ответил Бышевур, наградив лопетегга пристального взглядом, своих невеселых глаз.

И хотя его голос звучал негромко, в ночной тишине, его слова были услышаны каждым.

Когда караван достиг безымянного отрога, тонкий серп месяца на мгновение вынырнул из чернильной пустоты ночи, словно ему захотелось хоть одним глазком взглянуть на пришельцев, растревоживших его сладкие сны. В то, что это Боги освещают поле грядущей битвы, благословляя людей на поединок, Бушевuru не верилось. Слишком часто Боги этих мест оставались глухи к его скупым молитвам, мало чем отличаясь от безразличных ко всему гор.

И вот теперь эти самые горы изрыгнули из своих жутких недр давно пережёванное племя, которое было настолько старо, что могло застать момент сотворения мира. Поистине насмешкой судьбы являлось то, что звероподобные племена стерхов в своей древности, соперничающие разве, что с эльфами, могли достигнуть в своём развитии не абы какого могущества, только

что-то сломалось внутри них и с тех самых пор потомки Шакала плодили крепких и сильных, но безнадёжно глупых сыновей.

То, что бою быть, как и то, что перед ними действительно потомки кровожадных стерхов, Бышевур понял, прежде чем погас последний серебрянный луч, осветивший полюбившиеся горцу места.

Может тут он и встретит свою смерть, чтобы навеки остаться в постылой мерзлоте гор, где жизнь порой, обретает самые причудливые формы. Как узнать, если только не попробовать, не испытать судьбу в очередной раз! – Думал Бышевур, рассчитывая, как скоро тёмное племя приблизится на расстояния выстрела, и куда вообще прикажете стрелять, когда дальше кончика стрелы, начиналась молчаливая темнота. Старший надзиратель, вознёс к небу короткую дань Сэтху, божественному покровителю воинов, но вряд ли он был единственным, кто молился в эти минуты, прося помощи у заступников своего рода. Слишком уж слабовооруженным и неподготовленным к такому роду событий, оказался их маленький отряд, привыкший гонять усталых каторжан по мозолистому горному тракту, а не отражать ночные нападки кровожадных безумцев.

– Если кто думает, что стерхи направляются сюда, чтобы подарить вам свободу, то лучше сразу разбейте свою бестолковую башку о камни, в их руках лёгкой смерти вы не дождётесь. Я не спрашиваю есть ли среди вас мужчины, которым знакома воинская доблесть, ибо знаю что никому из вас не хочется умирать сегодня, но я всё же спрошу, может среди вас есть те, кто хотел бы в свой последний час сбросить рабские цепи и показать как сражаются свободные народы Шакатана?

Бышевур выплёвывал слова в ночной воздух, точно заточенные стрелы, обращённые в чёрствые сердца каторжан. Многие откликнулись на его смелое предложение, желая, наконец избавиться, от опостылевших, жалищих кожу холодом, железных тисков. Только вот кто из этих бравых смельчаков, не даст дёру ещё до того как сражение вступит в свою начальную фазу, смеясь глупости старого Бышевура, решившего довериться тем, кто по природе своего происхождения должен был его люто ненавидеть.

Это было сродни того, вздумай овцы с собаками защищать амбар от волков, но когда на обратной чаше весов лежит смерть, насмешница судьба порой подкидывает самые неожиданные союзы.

В итоге, выбор мастера надзирателя пал на пятерых человек, среди которых оказались как молодой лопетегг, так и житель китовых островов. Последний, решился на столь отчаянный шаг, исключительно из-за мороза, одолевавшего его полуголоое тело.

План Бышевура был неказист, словно первый, деревянный меч, вырезанный неумелыми рукам ребёнка. Но в его абсолютной простоте, опытный горец углядел капельку надежды.

Новые рекруты были вооружены палками, которые совсем недавно выплясывали по их собственным рёбрам, помимо этого троим из них, было выдано, по хорошо сдобренному маслом, факелу. По сигналу старшего наставника они точно валуны опрокинутые лавиной, должны были покатиться вниз, освещая мишени, для оставшихся сверху лучников. Благо, хоть стрел вроде хватало.

Что касается самого Бышевура, то не стоило сомневаться, что верный старым традициям горец, никогда не отправил бы людей на верную смерть, если бы не собирался горделиво прихрамывать в первых рядах. В конце концов он носил на поясе меч своего отца, не для того чтобы колоть им орехи и уж тем паче не для того, чтобы точно указкой размахивать им с края холма, на котором и без него хватало зрителей, не удостоенных чести испытать себя поединком.

Теперь только Боги могли решить, чьи дни на этом свете сочтены и кому предстоит пролить кровь на пяди безымянной, чужой для многих земли. Стрелы уже готовы были лечь на дрожащую в предвкушение танца тетиву, когда снизу хребта раздался отчетливый топот.

Пора. Бышевур махнул тяжёлой рукой и почти одновременно на широкой полосе отрога вспыхнули три ярких огонька.

«О Сэхт, пошли мне капельку своей доблести, дабы я почтил твоё славное имя, горячей, неприятельской кровью.» – привычно взмолился горец, стараясь лишь не отстать от общего строя, не скатиться с холма, позорным образом свернув себе шею. Рядом с ним точно также спотыкаясь на промёрзлых камнях, размахивал факелом долговязый конокрад из Хартума. Бышевур выхватил меч, за долю мгновения до того, как из густого, липкого мрака появились враги. Облачённые в шкуры горных животных, они словно материализовывались из земных разломов, принося с собой смердящий запах загробного царства. На Бышевура надвигались два молодых и крепких война, чьи плечи казались непомерно широкими благодаря накинутым на них шкурам. Лица стерхских солдат покрывала руническая вязь, подобная той, что украшала их палицы из пархатинового дерева, плавающие по воде, но прочные как глыбы, из которых первобытные Боги соткали Шапаллох. Горец крутанулся и выполнил прием, казавшийся невыносимым для человека его комплекции, вдобавок ещё и хромого. Молодой стерх отбил меч у самого лица, даже не попытавшись уклонить голову. Ещё не вполне успокоилась ноющая боль в плече, погасившем силу удара, как уже самому Бышевуру пришлось блокировать атаку второго противника. В одного из стерхов, жужжа вонзилось несколько стрел, но рухнув в замёрзшую грязь, дикарь каким то образом умудрился подняться на ноги. С отвратительным чваканьем раскололся череп конокрада, и факел, выскользнувший из его непослушных пальцев, жадно лизнул его собственные штаны. Впрочем, не состоявшийся рудокоп уже был к этому безразличен.

Бышевур отшвырнул стерха, склонившегося над упавшим в грязь лопетеггом, перечеркнув росчерком меча, его дальнейшие планы.

Кто-то врезался в старшего надзирателя со спины, едва не свалив на стылую землю, зато удар, нацеленный в голову горцу, лишь слегка коснулся его предплечья. Лопетегт кувырком добрался до упавшего факела, растопившего лужицу снега, чувствуя, как над его головой порхают стрелы. Со всех сторон доносились крики и звуки борьбы, и было совершенно не понятно, сколько ещё воинственных дикарей скрывает под своим покрывалом ночь.

В пляшущем свете факелов Бышевур бился сразу с двумя противниками, один из которых вдобавок имел при себе, небольшой, круглый щит, успешно предохранявший его от могучих, но не слишком точных выпадов горца. Древко стрелы, затрепетало в палице седовласого дикаря, с косичками, заплетенными в нечесаной бороде и стерх вжав голову в плечи и яростно рыча, помчался туда, где угадывались серые контуры стрелков.

Наперерез ему тут же бросился меднокожий оборванец с глазами сверкающими даже большим дикарским безумием, чем хладнокровные глаза стерха. Дерево столкнулось с деревом, но сын Шакала, имевший более длинные ноги, опрокинул противника тяжёлым ударом в грудь. Даже проклятое семя нередко рождало великолепных воинов, но такие, как Абаллох появлялись на свет не больше одного-двух на поколение. Абаллох значило горный воин, и не у кого не было повода усомниться в том, что этот дикарь засуживает своё имя.

Раскрутив палицу-кату по высокой дуге, он невероятно выверенным ударом раздробил череп мелькнувшему перед ним воину. В тяжелые шкуры на его плечах ударились ещё несколько стрел, благо доставить какое то неудобство впадшему в боевое неистовство Абаллоху, они не могли.

– Я повешу ваши уши сюда, - кричал он на языке гор, указывая на деревянные иглы, торчащие из его меховой брони.

Узники, оставшиеся в общей цепи, метали в его сторону тяжелые камни, распаяя и без того высокий боевой дух стерха. Бышевур пронзивший грудь неприятеля, не успел должным образом среагировать на резкий взмах отполированной палки пришедшийся по руке и тёплая рукоять меча выскользнула из его онемевших пальцев. Припав на одно колено горец криво

усмехнулся и в его левой руке блеснул короткое лезвие извлеченное из голенища высокого сапога. Удар в бедро, согнул и без того невысокого стерха, оголив его пульсирующее горло, куда и пришелся отточенный клинок горца.

Он видел грозного Абаллоха, почти достигшего верха кручи, но в опасной близости от самого Бышевура вновь заплясали смертоносные пируэты тяжелой дикарской палки. Краем глаза, он успел заметить медноволосого южанина, карабкающегося по склону горы, вслед за Абаллохом. Позади лопетегга, ещё не настигая, но сверля его жадными глазами, шагало несколько матерых потомков древнего Шакала. Стрелки, стараясь не думать о нависшей опасности, и разочаровавшись в бесплодных попытках поразить окутанного аурой неуязвимости война, стреляли ему за спины, туда, где в неровных сполохах пламени, двигались последователи Абаллоха.

Самый молодой из лучников вовремя заметил южанина, бросившегося на спину свирепому бородачу, чья густая растительность была смачно перепачкана свежей кровью. Тугая стрела пробила тело Абаллоха чуть ниже, защищенной груди, завалив тяжелого дикаря на вцепившегося в спину лопетегга. Стерх выпучивший раскрасневшиеся от злости глаза, не мог уразуметь, откуда в худых, бледных руках обхвативших его бычьей шее, могла взяться такая чудовищная сила.

У Абаллоха, как и у Бышевура, имелся небольшой сюрприз в виде грубого ножа, выточенного из заостренного камня, но щупловатый южанин самым наглым образом расположившийся под стерхом всякий раз ускользал, предвосхищая все действия неприятеля. Тогда Абаллох сконцентрировав всю волю в поджарых и мускулистых ногах, вскочил, перекинув южанина через голову, отчего тот с глухим вздохом врезался в снег. Он не мог окинуть взглядом картину боя и не ведал, что из пятерых человек, спустившимся с Бышевуrom, к этому времени в живых оставался лишь он, да сам старший надзиратель, едва державшийся от пропущенных ударов костедробящих палиц. Единственный уцелевший факел, валялся за спиной Бышевура и стерхские воины вновь слились с пограничной тьмой, заставляя стрелков нервно перебирать пальцами, в ожидании цели.

Очередная стрела жадно впиалась в бедро Абаллоха, вторую он каким то чудом отразил палицей, но изворотливый южанин, не имевший сил подняться, успел таки уползти в сторону. И полз он далеко не вверх, как должно было ползти вздумавшему спасти собственную шкуру, а с упрямым рвением карабкался в противоположном направлении, где среди зыбкого снега ещё пылал последний, неиспорченный факел.

– Уходим! Быстро! – лопетегг почувствовал крепкую руку, ухватившую его за шиворот, отчего, его скудная, бедняцкая рубаха предательски затрещала.

– Быстрее пацан, кажись, они отступили, – хрипло прошипел Бышевур, не рассчитывавший встретить восхода солнца.

Их буквально втащили на утоптанную, вершину, где ветер исполнял пронзительные трели, скорбя о крови, пролитой на бесчувственный снег. Двадцатиминутное сражение, унесшее дюжину жертв, не давало им право расслаживаться, в ожидании новой волны стерхов. Волны, которую им не сдюжить, раскуй они даже всех оставшихся рабов, всё таки стрелки оказались не слишком мощным оружием против облаченных в грубые, дубленые шкуры детей Шакала.

– Ты из Конвира? – Бышевур хлопнул по плечу тяжело дышащего парня.

– Да. Западный Конвир, – усмехнулся лопетегг, у которого воспоминания о родине навеяли лёгкую грусть. – Гусман из рода Гаргантюа, – южанин изобразил корявый полупоклон и его ребра отозвались мгновенной болью. По жестокой насмешке, посланный самим провидением ветер, отогнал непослушные тучи, обнажив звёздную россыпь безмятежного неба. Никто не преследовал их, прижимаясь к обледеневшей почве, но в тридцати колёсах от них о чём-то не спеша переговаривался небольшой отряд дикарей.

Возможно, они вовсе не были столь безнадежно глупыми, какими рисовала их людская молва, а может убежденные каннибалы, коими испокон веков принято считать всех потомков Шакала, сперва собирались разобраться с мертвыми.

– Чёрта с два, я позволю им сожрать мои кости, - злобно прошипел Бышегур, приглаживая растрёпанную бороду. – Мы возвращаемся в Хартум.

Глава третья

Салхэмский дракон

Харла из Рода Охотников казнили на закате. Вечерний Хартум тонул в неровных сполохах праздничных костров, зажженных в честь Весеннего Равноденствия. По всему городу коптились чаны и котелки полные хмельного мёда, и Уриилу приходилось с трудом проталкиваться сквозь шумную толпу горожан.

На следующий день возобновлялись работы в полях и для многих пришедших поглазеть на казнь, этот вечер был последним светлым пятном в череде тяжелых однообразных будней. У самого эшафота ему попала знакомая фигура, выделявшаяся над толпой на две головы.

Барбаду должно быть заметивший фиолетовую мантию жреца, не обладавшего столь заметной наружностью, сбавил шаг.

– Стоит один раз встретиться с незнакомцем, и он начинает попадаться тебе повсюду.

– Божьи помыслы неисповедимы, – скромно улыбнулся Уриил, довольный тем, что ему не приходилось наблюдать, расположенный за спиной эшафот. Всё-таки многого он не понял из того, что силился втолковать ему малообразованный даргамец, коему больше никогда не придется повторить своей страшной исповеди.

– Куда теперь? – поинтересовался жрец, заметив дорожную сумку, болтавшуюся на мощном плече Виконта.

– Болтая с Богами, ты упускаешь то, что творится у тебя под носом. Кажется, я не задержусь в столице надолго, – ухмыльнулся Ронэ Барбаду, ловко скручивая самокрутку из пожелтевшего, заскорузлого клочка бумаги. Несмотря на то, что тринадцатый век был окрещен великими умами, эпохой Расцвета и Просвещения, большинство Суравийских торговцев до сих пор торговали бумагу, по цене золота.

Уриил даже подумал, что среди предков достойного Барбаду и впрямь водились люди графских кровей, коль он мог позволить себе столь расточительное обращение с бумагой. Впрочем, последние слова Виконта заглушил торжественный рёв сигнального рога.

Звук доносился со стороны деревянного помоста, выстроенного в некотором отдалении от эшафота, на котором раскачивался на ветру, бедняга Харл.

И хотя вторые подмости и уступали первым в масштабе и высоте, выполнены они были в таком удачном месте, что Ярмарочная Площадь, утопавшая в неровном свете костров, предстала перед глашатаем во всей своей мрачной красоте. Герольд, у которого на груди был прикреплен небесно синий пегас, говоривший и приближенности к личной свите короля Олина Доброго, торжественно оглядел собравшихся. Дождавшись пока стихнут приветственные возгласы во славу правителя, (благо не слишком полагавшийся на народную любовь глашатай, собственнически нанял несколько добросовестных крикунов), он возвёл руки к толпе.

За его спиной, словно вытканые чёрной нитью на сером лоскутке догорающего неба выделялись лохматые руины замка, раскинувшегося гораздо дальше границ купеческого квартала. Между ним и домами, посеребрёнными белой глиной, словно стрела, криво вошедшая в землю, торчал одинокий остов чародейской башни.

Как всегда, в тёмное время суток, в окошке под самой крышей плясало бледное пламя, извещавшее добрых людей столицы о том, что всё в их маленьком мире идёт своим чередом.

Тем временем герольд извлёк королевский приказ, из округлого, кожаного чехла, крепившегося на поясе из тусклого, заморского молескина.

– Вольный люд Хартума! Милостью Богов, король свободных народов Суравии, заступник всяких земель от южных степей Аскерии до приграничного Милеаполиса, Олин Второй

из рода Ундвиков, именуемый Добрым, премного сожалеет о том, что государственные дела не позволили Его Величеству, лично присоединиться к светлому празднеству весны. Но даже короли не вправе ставить собственные интересы превыше интересов короны, и как гласит Суравийская мудрость, худые вести не заглядывают в календарь.

– В этот праздничный вечер, мы предали правосудию очередного мерзавца, бесчинствовавшего в наших, и без того суровых краях. Зло подобно ядовитому плющу не выбирает для себя благодатной почвы, и несмотря на все усилия, всегда прорастает сызнова. В то время как у западных границ нашей империи стоит Адамантовая Орда султана Амеррина, в самом сердце нашей страны вскрылась старая язва, обнажив то, во что даже древние старики верили не больше чем в складную, древнюю легенду. Стерхи, – презренные сыновья Шакала спустились с гор, чтобы вновь оспорить старые счёты с правнуками могучих воинов, изгнавших их, много веков тому. Это отцы ваших прадедов взяли за меч в тот судьбоносный, далёкий день, чтобы показать жестокому врагу силу Правого дела. Я знаю, что некоторые из вас уже слышали о случившемся, и прямо сегодня изъявили благородное желание наняться в солдаты, чтобы под началом Гвардии Короля очистить наши добрые горы от скверны, выползшей из вечных холодов Снегорья. Король Суравийский, Олин жалует добровольцам восемьдесят дархамов ежедневного жалования и двухразовое питание в походной кухне.

– Но, – герольд развёл пухлыми ручками, на пальцах которых красовалось, несколько колец, стоимостью в несколько не самых бедных кварталов, раскиданных в дальних уголках стольного града. – Всему, что мы намерены делать во имя войны, придется подождать до завтра, сегодня мы празднуем равноденствие, и горе тому, кто не чтит традиций своего народа.

– Его Величество, Светлый Суравийский король Олин, распорядился пожаловать сюда три бочки вина из своих личных запасов, чтобы в эту ночь в Хартуме каждому из вас спалось немного теплее!

Толпа поддержала его слова одобрительными возгласами, и тысячи глаз стали жадно шарить по площади, выискивая заветные бочки, украшенные королевскими знаками. То, что бочки оказались самыми обыкновенными, возможно даже пылившимися вовсе не в королевских погребах, а в грязных, душных подвалах дешевой харчевни не остужало аппетиты разгоряченного люда.

Уриил, жрец Огму, повернул к Виконту своё худое лицо.

– Думаете наняться солдатом?

– Я и так состою на вечной службе, – оскалился Барбаду.

– Похоже, ты забыл, в каких местах находится мой отец, а если королевские гонцы не врут, очень скоро большая часть Шапаллохов подвергнется внезапным налётам. Кажется, за несколько лет, я впервые лично заинтересован в исполнении приказа, и уже успел подзабыть каково это на вкус.

– Что именно?

– Делать то, что хочется! – Виконт закурил очередную из своих гадких самокруток, и, выдохнув густой, едкий дым в лицо жреца, отрывисто засмеялся..

Гамаркан. Хаитское княжество

– Пошла прочь, старая! – прикрикнул сердитый солдат, стараясь перекричать истошное завывание псов. Черничные тучи пронзила первая молния, одинокая предвестница надвигающейся грозы. Лес, раскинувшийся перед людьми как на ладони, казался пустым и молчали-

вым, деревья, словно насупившиеся великаны угрюмо перескрипывались между собой, укрывая косматыми ветками нетронутые тропинки.

Если бы княжна выглянула из шатра секундой позже, она наверняка даже не заметила бы женщины, которую столь бесцеремонно пытался выпроводить из лагеря Ливерстон Гулдер. Вообще-то все привыкли называть его «Папашей Гулдом», он присматривал за собаками и знал десятка два не слишком приличных песен, но сейчас на его круглом, простодушном лице, играли недобрые желваки.

– Что происходит? – красивым, не по девичьи строгим голосом поинтересовалась Оливия ЛаМэй.

– Княжна? – Гулдер огорчённый ещё и тем, что ему вновь случилось привлечь внимания молодой княжны, которой в столь раннее утро следовало бы ещё нежиться в тёплой постели. Так недалеко разбудить и молодую принцессу, и тогда ещё до обеда все оставшиеся в лагере собаки, будут тоскливо смотреть в сторону леса, уклоняясь от назойливой ласки высокородных девиц.

Тянуть девочек в лес, было не самой лучшей идеей, жаль только сильные мира сего, довольно редко прислушиваются к мнениям малообразованных собачников. Папаша Гулд не скрывал раздражения ещё потому, что охотничий лагерь, укреплённый достаточно для сдерживания небольшого войска, отчего-то проспал хромую, подслеповатую старуху. Даже собаки залаяли лишь в последний момент, когда старая стерва, треща ветками, буквально вывалилась из ближайших кустов.

– Зачем ты пугаешь эту бедную женщину? Помогите ей подняться на ноги и проследи чтобы её как следует накормили! А ещё вели разбудить Алишу, я обещала, что до завтрака научу принцессу плести хайтские косы лесных дев.

– Помилуйте княжна, но я дам ей кунжуттовую лепёшку и пусть убирается ко всем чертям! Ваш отец, с Его Величеством Тюдором могут вернуться в любую минуту, и у меня есть тысяча более важных дел, чем следить за бродяжкой! – завопил Гулдер, кипящий негодованием, словно забытый на огне котелок.

– Тогда я сам займусь этой женщиной, бездушный ты дровосек! С напускным возмущением, Оливия ловко вынырнула из палатки и прежде, чем Папаша Гулд успел что либо возразить, княжна уже обхватила костлявую и холодную, словно камбала, ладонь нищенки. Гулдеру показалось, что старуха подленько улыбнулась ему своей победосной, беззубой улыбкой, и собачник досадливо сплюнув, побрёл вглубь лагеря. Не его делом было давать советы человеку, которому в скором времени, возможно, придётся вершить судьбы всего государства. Папаша Гулд преуспел в воспитании собак, и не стремился к пониманию того, без чего он мог вполне обойтись в повседневной жизни. Над безмолвным лесом мелькнула вторая молния.

Шабали-Шинайский хребет. Шапалохские горы.

Абаллох стоял на краю широченного горного плато укрытого в тени Пика Дамтура, чьё безграничное величие, здесь, в Верхогорье ощущалось едва ли не сильнее и больше чем на твёрдой почве. Подставив лицо обжигающему горному ветру, который жители предгорий именовали «паторок», старый воин с молчаливым одобрением наблюдал за полётом молодого орла, устроившего воздушный танец в центре оранжевого шара, медленно ползущего вниз.

Колючие, крупные снежинки вырывались из распахнутой форточки сталистого неба, а надменно гудящий паторок бахвалился перед горами, что зима никогда окончательно не покинет этих дивных земель.

Абаллох и сам бы с удовольствием остался среди заснеженных хребтов с быстрыми прозрачными речушками, в которых плескалась непуганая горная форель, а по влажному берегу неторопливо и чинно прогуливались дикие гуси. В тех местах, где прошла жизнь немолодого стерха, лишь вождям да верховным шаманам позволялось возводить жильё на берегу рек,

только те перемерзшие, узкие ручьи мало чем напоминали здешние проворные и шустрые побеги, сверлившие горы от пика к самому подножью.

Абаллох услышал позади себя тяжелые шаркающие шаги и обернувшись, встретился с мрачным взглядом Абудиафата, или Откликнувшегося на Зов, как с недавних пор требовал величать вождя полусумасшедший шаман Дархэ кос Тархан, который по великому стечению судеб вознесся до второго человека племени. Поглаживая грубую рукоять шестопёра, висевшего в нескольких ладонях от земли, вождь глубоко вдохнул свежий морозный воздух и прикрыл глаза. Накидка из скального барса, красовавшаяся на его широких плечах распахнулась, подставляя обнажённую грудь порыву леденящего ветра, но Абудиафат лишь расплылся в блаженной улыбке, не предпринимая малейших попыток укрыться. На последнем совете племён Абудиафат Тамирак провозгласил себя первым стерхских императором, и на удивление, желавших оспорить это решение было немного.

Хотя вождь был уже немолод, он прожил едва ли половину уже отмеренного Абаллоху и всегда прислушивался к мудрости, которую постиг его более зрелый соплеменник.

Так было раньше. Так было до свержения старого верховного, до той ночи, несколько лун назад, когда Дархэ кос Тархан бросил вызов предыдущему шаману племени Снежного Барса, луноликому Сизару, упокой Шагала его брэнную душу.

Слишком долго многие поколения его племени ждали перемен и сейчас когда колесо судьбы сделало плавный оборот их не могли испугать испытания, уготованные им, ибо их дети и внуки готовились к этому с самого рождения. Древние легенды, рунами высеченные на каменных скрижалях повествовали о дне, когда их древний, но не забытый бог, протрубил в свой громогласный рог, чтобы созвать своих детей на последнюю битву. Битву, в которой им были уготованы благодатные земли, отнятые у них несколько сотен лет назад.

И только одно лишь это могло объединить разрозненные, разобщившиеся племена, разбросанные в самых отдалённых и темных горных ущельях. Немало труда стоило Абудиафату разыскать их всех и убедить присоединиться к великому сходу, рассказав о черной молнии расколовшей горную гряду, предсмертный стон которой и был долгожданным знаком рога их божественного отца.

Племени «Снежного Барса» выпала великая честь подготовить плацдарм для неминуемого объединения, разбить лагерь в пределах пика Дамтура и начать заготовку провизии и оружия для десятков тысяч воинов, откликнувшихся на призыв.

И люди начали прибывать. Они спускались с гор, словно дикие звери, выманенные из берлоги запахом свежей крови. Одетые в шкуры и вооруженные чем попало, они действительно мало чем отличались от животных, только тусклый блеск их глаз не сулил врагам никакой пощады.

Но Абаллох чувствовал, что сегодняшней визит вождя, баловавшего вниманием лишь верховного шамана связан с чем-то совершенно иным. С чем-то, о чём не торопился начинать разговор, даже не отличавшийся особой учтивостью император Абудиафат. Но всё – же он произнёс.

Голос его был глухим и скрипучим, напоминая скрипенье ветра, царапавшего шершавые тела гор.

– Я не расслышал твоего приветствия Абаллох, или воздух низин вскружил тебе голову, затуманив глаза, или ты утратил уважение к своему императору?

– Прошу прощения, мой господин, но я уже приветствовал вас сегодня, когда вы с верховным шаманом обращались с речью к новоприбывшим.

Абудиафат несколько секунд задумчиво всматривался в лицо своего преданного слуги, после чего на его лице появилась рассеянная улыбка.

– Наверное, тебе известно, что один день войны своей насыщенностью с лихвой заменяет долгие годы мира. Я уже и забыл, что было сегодня утром.

– Неужто война уже началась?

– Она никогда не заканчивалась. Мы лишь брали небольшую паузу, чтобы женоподобные воины равнин окончательно обрюзгли от своей сытой, никчемной жизни. Наша звезда уже вошла, разве ты не видел, насколько яркой она была минувшей ночью?

Абаллох практически не спавший всю последнюю неделю лишь молча кивнул. Он действительно наблюдал ярко красную путеводную звезду, вспыхнувшую на небосводе с первого дня их похода. Самые суеверные из его воинов уже успели окрестить её звездой Шагала.

– Твоя мудрость никогда не мешала тебе держать язык за зубами, а твои советы не переходили границ отеческих наставлений. Что же изменилось теперь? Ты критикуешь мои решения Абаллох? За что ты не влюбил достопочтенного Кос Тархана? Быть может, ты считаешь, что подле меня должен сидеть более достойный приемник?

Веки Абаллоха поползли вверх, а ведь немало повидавший стерх с полной искренностью полагал, что уже давно утратил способность удивляться. Его никогда не прельщала власть, и уж великому вождю как никому другому был известен этот неоспоримый факт.

– Я бы не посмел перечить воле величайшего из императоров, мой господин. Скажи мне, в чём я провинился, и я буду молить Шагала об искупление даже ценой жизни.

Абудиафат хищно усмехнулся и тряхнул гривой каштановых волос, резко контрастирующих с пепельным фоном шкуры скального барса.

– На что нашему божественному отцу твоя никчёмная жизнь? На счёт тебя у него иные планы. К концу недели здесь будет ещё четырнадцать племён от восьмидесяти до шестисот голов в каждом и мы будем готовы к полномасштабной войне. Укрепимся в здешних ущельях и будем терзать жителей равнин, вырывая их земли кусок за куском, пока не загоним их в такие места, в сравнении с которыми наш прежний дом покажется центром мира. Не о такой жизни ты мечтал, старик? Так зачем сейчас ты мешаешь мне строить то, ради чего мы оба рождены?

– Я приму вашу волю, какой бы она не была, как делал это прежде и как буду делать всегда, – хмуро ответил Абаллох, догадываясь, что наказание за его строптивость, было рождено даже раньше чем он произнёс те несколько неосторожных слов в адрес Верховного шамана.

– Ты отправишься к вершине «Белая стынь» и разыщешь племя Барбаситов, они единственная община от которой мы не получили никакого ответа.

Абаллох невесело улыбнулся в растрепанную бороду и покачал покрытой свежими ссадинами, головой.

– Это ваша воля?

– Они такие же изгнанники, как и мы, просто с более устаревшими понятиями о жизни.

– Они бесчестные ублюдки и людоеды, берущие в жёны собственных дочерей! – выпалил Абаллох, прежде чем вспомнил о своём обещании не перечить воле императора.

– А ещё их войны способны в одиночку противостоять медведю, мой отец рассказывал мне, что знал одного барбасита способного поднять над головой лошадь. – задумчиво произнёс Абудиафат. – Это моя воля и она должна быть исполнена до следующего рассвета. Будь осторожен, здесь повсюду рыскают равнинные крысы, мы их здорово потрепали, раз они тратят столько сил на нашу поимку.

– За тех, что попадутся мне на пути, можешь не волноваться, – заверил Абаллох, рассматривая крупные снежинки, застывшие на бурой, глинистой почве.

Мысленно он уже прочерчивал наикротчайшую черту между Пиком Дамтура и южной оконечностью «Белой стыни», где следовало начинать первые поиски барбаситов.

– Увидимся, император коли будет воля нашего божественного отца. Пусть Шагал благословит тебя своей мудростью, ведь лишь от тебя зависит, что станет с нашим общим народом.

– Не только от меня, – заметил Абудиафат, мрачным, бесцветным голосом. – Нас всем предстоят забавы, о которых мы не просили.

В княжеском шатре, устланном меховыми шкурами, стоял тяжелый аромат ароматических свечей. Принцесса с княжной не без удивления следили за тем, с каким усердием старая нищенка расправлялась уже с третьей предложенной ей тарелкой рагу. Куски овощей, выпрыгивали из её беззубого рта, украшая дородные меха затейливыми узорами.

Принцесса, для которой не были в новинку причуды её давнишней подруги, улыбалась. Хотя уголки её губ и свидетельствовали о некотором напряжении, в остальном, она вполне поддерживала молодую княжну. Тем более, что девушкам уже удалось выяснить, что в их заботливые объятия на сей раз попала не одинокая пастушка, одичавшая на безлюдье а вполне настоящая гадалка, коротавшая свой век в глухой чаще, посреди поражённого гнилью леса.

Может данная сказка и не произвела бы должного впечатления на девушек, не зайдя речь о предсказаниях, которые манили неокрепшие умы с той же чудовищной непреодолимостью, с которой водопад вбирал в себя зазевавшиеся суда. Кто ж из невест, какому сословию их не отнеси, не мечтал тайком, хоть одним глазом взглянуть на сюрпризы, уготованные капризной судьбой или вглядеться в смутное отражение будущего жениха. Есть вещи, перед которыми не в силах удержаться даже принцессы, пускай на деле стоимость этих самых вещей, не будет равняться грязной, уличной пыли.

Хаиты полагают, что слово может быть бесценным, а может и не иметь цены вовсе, и его цена может возрасти в зависимости оттого, что именно тебе хочется услышать. Старуха, довольно похрюкивая, утопила свой горбатый нос в тёплой похлёбке, поглядывая на девушек из под грязного капюшона, на котором вызывающе болтался репей.

Наконец, громко икнув, она отставила на пол пустую деревянную миску и оглядела шатер хитроватым ленивым взглядом, чёрных бусинок. Её глаза, скорее напоминали глаза куницы, собравшейся поведать молодым курочкам пару леденящих кровь историй. Историй из разряда тех, о которых они могли мечтать бессонными ночами в своих душных опочивальнях, но на которые не за что не согласились бы в повседневной жизни, при свете дня.

Ночь нашёптывает такое, на что у «дневных людей» не хватает духу. День – это территория рациональности, тогда как почти всё, что будоражит нервы, скрывается за тонким покрывалом мрака.

– Будущее, как и прошлое, покрыто густым туманом, оно капризно и переменчиво, и заглядывать в него примерно тоже, что дёргать за хвост свихнувшегося бога Плафикария, – гнусаво продекларировала бродяжка, после чего жестом фокусника извлекла из недр своего необъятного халата несколько зажигательных палочек.

– Может быть то, что вы хотите знать, не нуждается в толковании духами? – нищенка вытерла оставшийся вокруг рта жир тыльной стороной ладони, и застыла с загадочной полуулыбкой, на угловатом, старческом лице.

Оливия подумала, что если бы назревающая гроза могла иметь собственное лицо, то на нём абсолютно точно блуждала подобная, лишённая осмысленности, идиотская полуулыбка, какой природа одарила пожилую женщину хаитских кровей. Две прекрасных молодых девушки: кареглазая, смуглянка с тёмным отливом волос и голубоглазая, миниатюрная блондинка из Салхэма в нерешительности переглядывались, вздрагивая, словно рычащий снаружи гром, мог прорваться сквозь обшитые мехом стены.

– Не бойтесь дети мои, буря не причинит вам не малейшего вреда, – усмехнулась старуха, поднеся одну из зажигательных палочек к тусклому огоньку догорающей свечи.

– Сегодня особая ночь, когда желающих быть услышанными, не вынуждают кричать. Уже почти расцвело, и каждая из вас успеет задать Богам всего по одному вопросу.

Оливия ЛаМэй, способная целый день скакать в седле без усталости и распугать стаю волков сломанной веткой почувствовала лёгкую дрожь. В хаитской княжне беспокойно зашевелились задатки древних инстинктов, дарованных человечеству на заре веков, когда пяти чувств было не достаточно для выживания в мире, напроць лишенном милосердия.

Сверкнула молния, и резкий порыв ветра приподнял полог шатра, заслонявший вход от морозящих, холодных капель. До рассвета действительно оставалось всего несколько минут...

Гамаркан. Хаитское княжество

Настроение Ливерстона Гулдера не зависело от погоды, точно также как от неё не зависело его собственное пищеварение. Стоило ему притронуться к овощному рагу с маринованной индейкой за ужином, как он стал объектом шуточек ночной стражи, предлагавшей ему встать в караул, раз он всё равно постоянно шляется по кустам.

Ближе к середине ночи, солдат дежуривший около псарни доложил Гулдеру о нелепой гибели пса, угодившего под колёса груженной телеги. Крупный кабель, поросший густой бурой шерстью, куюлю валялся в канаве, любезно убранный с проезжей части заботливыми руками убийцы.

Ливерстон ощупал переломанный в нескольких местах позвоночник, и тяжело вздохнув, направился в поисках мотка ткани и лопаты, на которые по иронии судьбы он наткнулся около ближайшей телеги.

Псы не ждут поминальной речи, и на то, чтобы беззлобно ворча предать убиенное животное земле, у Гулдера ушло менее часа. Он ещё немного постоял, наблюдая, как с тихим шёпотом покачиваются верхушки могучих сосен, отбрасывая едва заметную тень под светом серого неба.

Ливерстон давно заметил Салхэмского рыцаря, носившего, странные чешуйчатые доспехи, с печальной улыбкой наблюдавшего за похоронами собаки. Он стоял на холме, и в мерцающем свете звёзд его пластинчатые тёмные доспехи отдавали зеленью океанских глубин.

Возвращаясь к себе в палатку, Папаша Гулд едва не столкнулся с уродливой старухой, по пятам за которой гналась гроза. Ливерстону случалось видеть ранние грозы. Но, ни одна из них не знаменовало нечего хорошего.

Ливерстон Гулдер с помощью деревянного молотка и кольев пытался удержать собственный шатёр, отчего-то возомнивший себя птицей и стремившийся улететь в серое, грозное небо. Крик, который мог принадлежать лишь молодой княжне заставил его испуганно вздрогнуть. Поверить, что этот испуганный, жалкий вопль мог принадлежать девушке, чья непоколебимая сила характера заставляла отступать самого князя, было невозможно, но Гулдер всё равно бежал, не замечая, что он всё ещё сжимает в трясущихся руках плотницкий молоток.

Стража, опередившая его, уже выволакивала из шатра хохочущую нищенку, у которой изо рта вперемешку со слюной текли тонкие струйки крови.

– Ведьма! – орал толстощёкий Волистер, вколачивая в костлявое лицо бродяжки каменные подзатыльники.

– Оставь её. Её князь убивать будет...-упали тяжёлые слова.

Кто-то оттащил Волистера от бесформенной кучи тряпья из глубины которой все ещё доносились тяжёлые хрипы.

Гулдер заглянул в шатёр, и вместе с ним внутрь влетело несколько мокрых листьев.

Ливерстон как замороженный наблюдал, как один из размякших листочков неспешно опустился на неестественно бледную щёку Оливии ЛаМэй, лежавшую по левую руку от принцессы Салхэма и Вермонта. От мёртвой принцессы, мысленно оговорился Ливерстон, и пошатнувшись, с трудом ухватился за мокрый полог шатра. Девушки выглядели восковыми фигурами, изваянными безумным скульптором, и лишь заметив бокал вина, расколовшийся рядом с рукой принцессы Вермонта, папаша Гулд беззвучно зарыдал.

Ведь кто как не он, дважды за день имел возможность, выдворить чёртову ведьму за двор, а вместо этого он дал девчонки себя уговорить, какой бы там княжной она не была.

– Лекаря сюда! Живо! – хрипло скомандовал Гулдер, подставляя дрожащее лицо благодатному липкому дождю.

Один из Салхэмских рыцарей, не пожелавший присоединиться к охоте, застыл перед принцессой Алишей с обнажённым мечом, обводя присутствующих недобрый взглядом.

Вообще-то обнажи он свой меч перед княжной какихнибудь полчаса тому назад ему немедленно отрубили бы руку, но в сложившейся ситуации никто из собравшихся не спешил брать на себя тяжкую ношу ответственности, в принятии каких бы то ни было решений.

Почувствовав тошнотворную вонь, источник которой побывавший на нескольких войнах Гулдер, угадывал с первого раза, Ливерстон закрыл нос платком.

Даже, если предположить, что молодые девушки были действительно мертвы, убиты они были совсем недавно, тогда как уже почти все присутствующие почувствовали в шатре тяжёлый смрад разлагающегося тела.

Что-то шевельнулось в тёмном углу, куда впопыхах было сброшено большинство шкур, висевших в проходе, и куда не добивал тусклый свет свечей на лавандовом масле.

Но не это, едва уловимое в сумраке движение, завладело всеобщим вниманием. Все обернулись, услышав угрожающее рычание, приближающееся из тёмноты.

Гулдер отказывался верить, что перед ним стоял тот самый лохматый пёс, похороненный им всего несколько часов назад, его бурю шерсть всё ещё покрывали куски слипшейся глины, а с разорванного живота свисали фрагменты изувеченных телегой органов. Да и двигался он до того нелепо, что не знай Гулдер о его сложной судьбе и сломанном позвоночнике он вполне законно мог предположить, что глупая псина спятила. Извивающийся, дёргающийся телом пёс прыгнул, как демонический кальмар, вырвавшийся из мрачных глубин Тартара, тогда как Ливерстон, с пугающим безразличием наблюдал, с какой неумолимой стремительностью к его пульсирующему горлу приближаются кривые, пожелтевшие клыки мёртвой собаки.

Но то, что случилось за тем, резко и выразительно запечатлелось в его голове, подарив Гулдеру историю, которую он рассказывал до конца жизни. Мужчина в зелёных, пластинчатых доспехах, которого мгновение назад, казалось бы, даже не было в шатре, вскинул руки и пронзил прыгнувшую тварь двумя стремительными ударами кинжалов. Оба удара попали в шею. Оба были смертельны и произведены с грациозностью танцора. Разница лишь в том, что один был нанесён снизу вверх, другой слева направо, и в этот раз бурый бродяга, рухнул оземь уже, будучи окончательно мёртвым.

– Чертовщина... – прошептал Гулдер, совершенно обескровленными губами.

– В этот раз закапывай его глубже! – спокойно посоветовал папаша Гулду рыцарь в пластинчатой броне, вытирающий кинжалы кусочком холщевой ткани.

Это уже позже Ливерстон узнает у местного кузнеца, что жизнь ему, в тот день спас Элистар Оверим, почетный страж Серебряного круга, Последний из рода Салхэмских Драконов.

Глава четвертая

Сумерки сгущаются

Дорога на Нешем.

720 колёс от Хартума.

К середине весны, очень немногие из добровольцев, нанявшихся сопровождать Гвардию Короля Олина Второго в Вечных Горах считали восемьдесят дархамов дневной платы хоть сколько нибудь щедрым вознаграждением. Измученные, длинными переходами, раненые и покалеченные, деревенские смельчаки по одному, а нередко и целыми группами покидали лагерь под укрывательством ночи. Виконт с лёгкой презрительностью, во взгляде насмешливых серых глаз, наблюдал за их крадущимися фигурами, быстро же они вспоминали о незатейливых радостях оседлой жизни.

Некоторые, не желая звенеть оружием, заранее закапывали его в горах, бывали и такие кто не успевал вновь завладеть спрятанным мечом, становясь лёгкой добычей дикого зверя. Обычно всё заканчивалось далёким криком, кощунственно разрывающим тонкую пелену ночи, который оборвавшись, ещё долго стоял в ушах каждого, оставшегося в строю.

А ведь многие из убежавших всерьёз воображали себя воинами. Даже худосочный жрец, с какой-то дурости навязавшийся к ним в отряд, нашел себе применение, войдя в бригаду маленького походного лазарета.

Отряд, вышедший из Хартума на следующий день после чествования Весеннего равноденствия, насчитывал четыреста восемнадцать душ, но Виконт готов был биться об заклад, что сегодняшним утром их было немногим больше двух сотен. Командующий, королевский рыцарь по фамилии Гляхершаут невесело отшучивался, что таким темпом им чего доброго придётся доукомплектовывать отряд, снимая стражу с ближайших каменоломен.

В обед, они достигли устья небольшой речки, берущей начало внутри гор, среди вечной темноты, где Боги хранят величайшие тайны мироздания.

Стояла хорошая погода и гвардейцы воспользовались возможностью напоить своих приземистых, коротконогих лошадей, миртульской породы.

– Похоже, мы тут надолго, – заметил Уриил Акрыйский, присаживаясь на небольшой валун, удачно торчащий в тени развесистого вяза.

Задумчиво куривший Виконт, наградил жреца вопрошательным взглядом.

– Аргулеты ушедшие накануне вечером ещё не вернулись. Сир Гляхершаут опасается, как бы с ними не случилась чего недоброго.

Барбаду понимающе кивнул, и его грубое лицо расплылось в сардонической улыбке.

Догадываясь, к чему он клонит, Уриил лишь нахмурил брови, и покачал каштановыми кудрями.

– После того как участились случаи дезертирства, сир Гляхершаут лично распорядился разбавлять патрули и разведывательные отряды проверенными людьми. Среди ушедших накануне, значился Кортесс, зять сира Глягершаута.

Виконт постучал самокруткой по кончику указательного пальца, приглаживая слюной паршивую, жёлтую бумагу, которую ему намеревались втюхать за восемь золотых суффиев.

– У нас не войско, а дерьмо. Все чувствуют это, оттого и бегут. Его Величеству следовало поручить эту работёнку не мягкотелому увальню Гляхершауту, а кому то, у кого за плечами хотя бы имеется опыт боевых походов.

– Например, вам? – Уриил не имел в виду нечего дурного, но прозвучавшие слова выдались несколько грубоватыми.

Иногда Уриилу казалось, что ему почти понятна враждебность Виконта, в которой тот бережно, словно ребенок сладости, таил свои маленькие секреты, но чаще это сводила его с ума.

Барбаду передернул своими могучими плечами и сплюнул, коричневой, пораженной смолами, слюной.

– Разве я напоминаю тебе рыцаря? Да у ведра со шваброй боевых достоинств больше, чем у большинства из этих болванов. В королевском рыцарском совете только у двоих имеются хоть какие-то яйца, – проворчал Виконт, когда мимо него, смеясь, прошлёпало несколько гвардейцев.

– Драл я вас всех, – уже успокаиваясь, почти беззлобно пробурчал Барбаду.

– Если ты так ненавидишь королевскую гвардию, зачем было наниматься в отряд? Мог бы и дальше в одиночку гонять местных негодяев от кустов до виселицы? – пожал плечами Уриил Акрийский, чья нелепая жреческая шляпа, так и норовила унести к воде.

– Да кормят здесь неплохо, – усмехнулся Ронэ, а вот чего ради ты сюда попёрся, наверняка неведомо даже твоему Огме.

Жрец задумался о том готов ли он ответить на подобный вопрос хотя бы самому себе, наблюдая, как два вольнонаёмных мужика чистят у реки здоровенный, чёрный котёл.

– Этим бы только котлы и драить, – хмыкнул Барбаду, попыхивая самокруткой.

– Вы помните нашу первую встречу на реке? – негромким голосом спросил Уриил Акрийский.

Ронэ нахмурил брови и сделал несколько глубоких затяжек.

Дым, выпущенный из могучих лёгких Виконта, серой тучей, кружил над лысой головой.

– Если не прекратишь мне «выкать», я сделаю так, что ты и сам обо всём забудешь, – Барбаду обнажил ряд неровных зубов в зловещей ухмылке.

– Не нужно ставить меня, в один ряд с парнями вроде нашего доброго Гляхершаута, я уверяю тебя храмовник, я не заслуживаю подобной чести.

Уриил виновато улыбнулся и продолжил.

– Если быть кратким, я сопоставил древние, монастырские рукописи с исповедью даргамца Харла и наткнулся на несколько любопытных совпадений. У меня нет средств на самостоятельную экспедицию в горы, и выражаясь твоим языком, нанявшись в королевскую гвардию, я пришпандорил сразу двух зайцев. Увижу то, что мне нужно, да ещё и не останусь голодным, – Уриил усмехнулся.

– Так ты поплёлся на войну послушав бредни полоумного придурка? – улыбка Барбаду вышла недоброй.

– Меня ведёт величайший из хатов, дающий свет и мудрость, избежать зла.

– Расскажешь это стерхам, уж они с радостью отправят тебя на встречу с твоим всезнающим Богом!

Виконт достал из кармана большое, сочное яблоко и разрезав его пополам длинным ножом, протянул жрецу половину.

– И что такого было написано в тех рукописях? – после некоторого размышления поинтересовался Ронэ.

– В восьмьсот первом году, в самом конце Тёмных Веков неподалёку от этих мест стояла странная башня. Поговаривали, что в ней хозяйничал некромант, являвшийся последним представителем вымирающего искусства. Он был настолько могущественным, что его силу признавали даже многие из Богов, но ему было мало их признания, он хотел стать одним из них. Когда он понял, что Боги никогда не пойдут ему на встречу, не желая иметь в своём пантеоне столь грозного и лукавого оппонента, некромант поклялся уничтожить весь мир. И это ему едва не удалось. Возможно, мы ещё будем проходить мимо тех мест, и я покажу, где развернулась решающая битва за Курдаму.

– Что ещё за Курдама? – Виконт вопросительно вскинул голову, вперив в Уриила свой мрачный взгляд.

– Так назывался древний элфийский лес, он был полностью уничтожен магическим взрывом 813 года и до сего дня там, так и не проросло не одной травинки. Легенды гласят, что первое дерево на той земле прорастет лишь тогда, когда на земле вновь появятся эльфы.

– Уриил замолчал, откусив кусочек яблока. На вкус, оно оказалось даже лучше, чем он предполагал.

– Харл не показался мне достаточно эрудированным в древних писаниях и вряд ли мог слышать об этих легендах, но он практически в точности описал внешность и некоторые предметы одежды мрачного человека, сошедшего со страниц древних манускриптов. Если в здешних местах, завелся его последователь, многим будет полезно об этом знать.

– Найти одного спятившего на тысячу колёс необжитого камня, где каждая складка гор может оказаться вовсе не тем, чем кажется? Странный ты, парень, монах, и цели у тебя, словно ты их на пятнадцать жизней задумал.

Виконт отряхнул траву, налипшую к кожаным штанам, и, посмеиваясь, побрёл вдоль ручья, в котором уже пылали первые, нежно бардовые сполохи рождающегося заката.

Хаитское княжество. Замок на Серебряной Поляне

Длинный, дубовый стол, ломился от всевозможных яств, выращенных фермерами-Хаитами. Здесь был мёд. Свежее, козье молоко. Мягкий, пахнувший пряностями сыр, а посреди стола, томился пузатый котелок с бульоном из дюжины кур, приправленных чесноком и шафраном. Источал сладкие ароматы, дымящийся, едва вынутый из печей хлеб, в сосудах плескалось игриное, полусладкое вино, только вот гостям, собравшимся в этот вечер в княжеской зале, явно не доставало аппетита.

Сам Князь Ардан Красный из старинного рода ЛаМэев, слегка нахмуренный в этот поздний час, сидел во главе стола.

Рядом с ним, уныло работая челюстями, поглощал свою порцию ужина, ровный как жердь, оружейный мастер Серебряной Поляны, Дакус Рудли.

Тюдор Малодушный, король Вермонта и Салхэма, в плаще, украшенном узорами из бардового золота, восседал на высоком стуле, с другой стороны стола.

Лишь слегка пригубив вина, Его Величество, терпеливо ждал начало трудного разговора.

Отец Торже, запил кусок тёплого хлеба молоком и заметив, что все взгляды сосредоточены на нём, неловко закашлялся. Князь Ардан, в нетерпении даже подскреб пальцами свою густую бороду. Похоже, все были крайне озадачены происшедшим, но отец Торже, прекрасно понимал беспокойство этих людей, поэтому проглотив последний кусок, он заговорил.

Торже не мог поведать ничего нового о состоянии наследниц престолов, двух соседствующих держав, равно как и не мог дать хоть скольнибудь благоприятных прогнозов на их счёт.

И всё же, утверждать, что отец Торже даром ел хлеб в княжеском замке, было бы неправильным и опасным. Мало кто знал отца-настоятеля в лицо, но легенды об этом небольшом человеке, ходили по всему континенту.

Будучи отцом-основателем Нефритовой академии ядов, этот маленький хитрый хаитянин, считался едва ли не опаснейшим человеком всего восточного Шакатана.

Ходили слухи, что злопыхатели неоднократно пытались отравить Торже, только их многочисленные попытки, всякий раз оборачивались провалом.

Правда, встречались и такие, кто утверждал, что не все отравления известного настоятеля следует связывать с его недругами, ибо отец Торже, известный как большой экспериментатор, нередко собственноручно принимал небольшие порции яда, желая развить к ним природный иммунитет.

Хаитские сивуши, также ставили ему в вину, служение богине ядов, Гекатте, но улыбочивый старец, всегда благоразумно отмалчивался, не желая вступать в долгую полемику с хаитскими мудрецами от религии.

Голос отца Торже звучал мягко и убаюкивающе, выдавая в настоятеле, черты истинного оратора, привыкшего изъяснять ход своих мыслей прямо и незамысловато. Но было в его обволакивающем голосе нечто такое, что должно быть чувствуют куры, незадолго до того, как бархатный поток лисьих слов, внезапно оборвётся перекушенным горлом.

Когда маленький человек замолчал, все взгляды сосредоточились, на грузном, раскрасневшемся лице, князя Ардана.

– При всём нашем уважение, вы были приглашены сюда не за тем, чтобы рассказывать нам, о том, что было ведомо и без вас, отец Торже! Люди, одно упоминание о которых, отбивает аппетит и заставляет маленьких детей плакать, трижды допрашивали гнусную ведьму, и не казнили её лишь потому, что об этом просили вы! Вас называют первым, среди вернейших почитателей Гекатты, а вместо того чтобы заняться делом, вы большую часть дня расхаживаете по моим погребам, откупоривая винные бочки?

Отец Торже, с достоинством выслушавший все обвинения князя, сокрушенно вздохнул.

– Некоторые вещи не стоит воспринимать буквально, Великий князь. В ваших замечательных погребах, я почерпнул больше, нежели могли поведать мне ваши слуги, а ведь...

Ту женщину, если на то будет твоя воля, ты казнишь завтра утром. Сегодня она мне интересна, и после ужина я бы хотел задать ей пару вопросов.

Князь Ардан фыркнул и покосился на своего оружейника, которому по долгу службы, нередко приходилось разговаривать самых несговорчивых заключенных.

– Есть ли в этом смысл? Я начинаю считать, что мы попросту транжирим время, которого у нас и так нет.– Раздражённо парировал король Тюдор, постукивающий по столу, костяшками пальцев.

– Простите, Ваше Величество, но должно быть речи такого скучного старика как я, ввели вас в заблуждение, ибо приехав сюда, я не терял даром, не одной минуты. Все действия, производимые мной, вели к тому, чтобы простейшим путём определить состав вещества, добавленного в вино, и понять каким образом постороннему человеку удалось это осуществить.

– Мне говорили, вы просили вино, которым было отравлена моя дочь, зачем оно вам? – нахмурился князь Ардан.

– У меня свои методы классификации ядов, -уклончиво ответил отец Торже, слегка смутившись.

– Отравить одного из моих конюхов? – от внимательного княжеского взора, не ускользнул факт, что при упоминание о умершем утром мальчишке, лицо отца Торже, слегка сморщилось.

– Я мог бы испробовать его на себе, так я обычно и поступаю, но как уже было замечено ранее, в этом непростом деле, время играет главенствующую роль. Если позволите, завтра утром, я сообщу вам название яда и отвечу на ряд интересующих вас вопросов. А сейчас, я попросил бы, вашего достойного оружейника, провести меня к заключенной.

Отец Торже, укрывший собственные мысли за скромной, раболепной улыбкой, сложил руки в священном жесте, хаитских сивушей. Сквозняк, гулявший по княжеской зале, затушил одну из свечей, висевших за спиной отца-настоятеля, окутав, старческое лицо, сомнительными тенями. Маленькие, лисьи глазки, отца Торже, словно две холодные звёздочки, следили одновременно за всеми и не за кем. Собравшиеся, ещё долго сидели за столом, после того, как его осторожные шаги, затихли на подступах к нижним уровням замка. В эту ночь не спалось многим обитателям Серебряной Поляны.

Узкие, винтовые ступени, ведущие вглубь замка, подобно окаменевшему змею, опутывали северное крыло сторожевой башни.

Ветер, поселившийся там, задолго до людей, пел свои заунывные песни, отражаясь от молчаливых, бездушных стен.

Уныние, питаемое влагой сочащейся из трещин позеленевшего камня, расписывало стены тоскливыми узорами плесневелого мха. Отец Торже, буквально на ощупь, следовавший за subtilной фигурой оружейника, различал раскаты непрерывного, судорожного кашля, исходящие из недр замка.

Сама земля зашлась в приступе неудержимого кашля, сиюсь исторгнуть из себя инородные тела, бурившие дыры, в её физическом чреве.

Миновав несколько горизонтальных коридоров, они всё ещё спускались вниз, когда Дакус Рудли остановился, повернув к настоятелю худое, изрытое оспой лицо.

За его спиной, в нише, вырубленной в скальной породе, зияла узкая, металлическая дверь. Дверное кольцо, перепачканное запёкшейся кровью, и натёртое до блеска несчётным количеством рук, глухо постукивало, отсчитывая последние часы жизни скрытого за ней человека.

Запах нечистот, разбавленный дешевым факельным маслом, наполнял узкое жерло тоннеля ароматами преисподней. Отец Торже принял факел из рук ухмылявшегося оружейника, отпирающего засов, массивной связкой ключей.

– Если я вам понадобится, отец, кричите погромче, стены здесь толстые.

– В этом не будет необходимости. Можете возвращаться в общую залу.

– Уверены? – Рудли сплюнул комок жеваного табака под ноги основателю Нефритовой академии ядов.

– Можешь остаться здесь, но тогда все оставшиеся ночи, тебя будут донимать жуткие кошмары, -улыбка отца Торже вышла по отечески доброй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.